

КОСА

Ежедѣльно.

Коси, коса,
Пока роса.

Поцѣлуй Ресакіи.

ОСЕЛЬ И СВИНЬЯ.

(Басня)

Какимъ то случаемъ (не помню ужъ какимъ!)
Ослу мѣшокъ съ овсомъ на улицѣ попался.
Счастливецъ, голодомъ томимъ,
Къ овсу вплотную подобрался
И сталъ раздумывать, какъ лучше посту-
пить?
Сейчасъ-ли съѣсть его и голодъ утолить
Иль, какъ указано въ законахъ,
Во всѣхъ конюшняхъ и загоняхъ
Немедля о своей находкѣ объявить
И третью часть по праву получить?
Соблазнъ великъ, но честь—всего дороже,
Да и въ тюрьму не хочется, вѣдь, тоже...
Нѣтъ лучше объявить... Поднялъ мѣшокъ
Осель
И съ нимъ хозяина розыскивать пошелъ.

Идетъ, не торопясь... Объ ужинѣ мечтаетъ...

Вдругъ слышитъ окрикъ:—„Эй постой!

Анъ глядь—его Хавронья догоняетъ.

„Ты что-жъ это—кричить—забралъ овесъ
чужой?

Чай, долженъ знать, болванъ ты неученый,
Лежить безъ присмотра—такъ, стало быть,
казенный!

Вотъ я тебя сейчасъ подъ судъ... Горо-
довой!!!“

Оторопѣлъ Осель смущенный,

Не сталъ и спорить, что да какъ,

И, бросивъ ношу, мой простакъ

Скорѣй въ свой хлѣвъ—давай Богъ ноги!

Хавронья—жъ, развалясь въ пыли среди
дороги,

Тотчасъ-же занялась овсомъ

И не побрезгала, конечно, и мѣшкомъ.

Читатель: нечему дивиться

Осламъ со свиньями, конечно, гдѣ-жъ срав-
ниться!

Азра.

Китайская сказка.

Съ аппетитомъ поужинавъ ласточкиными гнѣздами съ
рисомъ, Линь-Фу-Чанъ, главный пекинскій судья, удобно
расположившись на своемъ ложѣ и уснувъ сномъ пра-
ведника.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался судьей, онъ иначе
и не спалъ, считая это однимъ изъ многочисленныхъ пре-
имуществовъ своего судейскаго званія.

— Судья не можетъ не быть праведникомъ! говаривалъ
онъ и, совершенно забывъ о кой-какихъ дѣлахъ и дѣ-
лишкахъ въ своемъ собственномъ прощомъ, со спокойной
совѣстью отправлялъ къ праотцамъ несправившихъ долж-
никовъ и всякихъ иныхъ нарушителей отечественныхъ за-
коновъ.

И когда отрубленная голова казеннаго съ глухимъ
стукомъ падала на землю, онъ чувствовалъ себя удовле-
твореннымъ, читая ужасъ въ глазахъ вольныхъ и неволь-
ныхъ свидѣтелей кровавой экзекуціи.

— Вставай!

Грубый голосъ, произнесшій это слово, показался Линь-
Фу-Чану знакомымъ. Онъ взглянулъ—и въ ужасѣ отшат-
нулся: предъ нимъ стоялъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, ко-
торые были обязаны ему своимъ переселеніемъ въ лучший міръ.

— Ты?! простоналъ Линь-Фу-Чанъ.

— Я! мрачно отвѣтилъ призракъ.

— Что тебѣ нужно?

— Ты это узнаешь въ свое время. Вставай...

Линь-Фу-Чанъ не посмѣлъ послушаться и очи мигли...
впрочемъ, виновать, не «мигли», а «чолѣбли», такъ какъ
призрагамъ, какъ извѣстно, обуви не подается, а боти-
комъ,—рискуя простудиться,—они ходятъ не любя. Спусти-

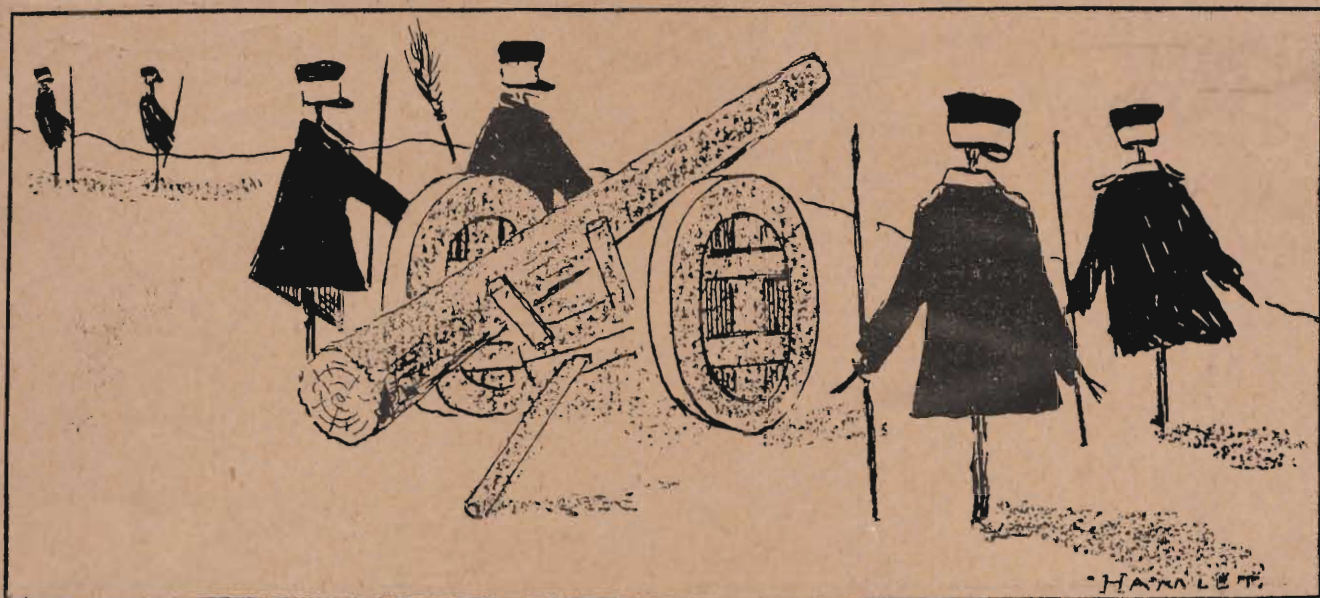
нѣкоторое время они очутились въ какой-то мрачной пещерѣ.
Въ глубинѣ ея, на возвышеніи, воссѣдалъ Великій Драконъ,
сверкая своими огромными огненными глазами, а по бокамъ
его, на каменныхъ глыбахъ, сидѣли, понуривъ головы,
представители почти всѣхъ націй.

— Ну, теперь всѣ въ полномъ сборѣ! произнесъ Дра-
конъ человѣческимъ голосомъ, увидѣвъ Линь-Фу-Чана.—Объ-
являю засѣданіе открытымъ!

— Линь-Фу-Чанъ скромно уѣлся на камнѣ и сталъ
слушать.

— Господа! началъ Великій Драконъ. Я собралъ васъ
сюда для того, чтобы совѣстно рѣшить одинъ весьма важный
вопросъ. Въ томъ мірѣ, который вы сами называете «луч-
шимъ», но въ который вы, тѣмъ не менѣе, такъ неохотно
отправляетесь, въ послѣднее время стали раздаваться голоса
противъ существующаго кнѣ на землѣ необыкновеннаго
разнообразія способностей, которыми вы—въ цѣляхъ правесудія—увеличиваете население царства тѣней. Какъ вамъ
извѣстно, на томъ свѣтѣ всѣ считаются равными: ни касты,
ни классовъ, ни какихъ-либо другихъ искусственныхъ под-
раздѣленій его обитателей. Ни разряды не существуетъ, и
въ этомъ отношеніи «тотъ свѣтъ» значительно опередилъ
оба вала «свѣта»—и старый, и новый! Между тѣмъ вели-
кому принципу равенства угрожаетъ опасность... Наиболѣе
активные элементы заявляютъ совершенно неосновательныя,
на нашъ взглядъ, претензіи и стремятся обособляться въ
соціальныя группы въ зависимости отъ того, какъ именно
ихъ казнили.

Такъ, напримеръ, разсѣянные относятся почему-то
съ презрѣніемъ къ обезглавленнымъ, обезглавленные—къ
повѣшеннымъ и т. д., что—въ конечномъ результатѣ—вно-
ситъ рознь и создаетъ поводы къ внутреннимъ раздорамъ.
Подобное положеніе не можетъ быть терпимо, ибо каждый
новый пришелецъ является у насъ одинаково желаннымъ

Что насъ пугало въ Манчжуріи.

Будь военный, будь онъ штатскій,
Но, конечно, каждый зналъ,
Что отецъ Иванъ Кронштадскій
Чудеса не разъ свершалъ.
Молимъ мы о чудѣ новомъ
Чудотворца своего:
Пусть свободы свѣтлымъ словомъ
Просвѣтится Дурново!

Боби.

Изъ подслушанныхъ разговоровъ.

- Долго-ли еще Витте будетъ премьеромъ?
— Да какъ вамъ сказать? Пожалуй, до созыва думы.
— А когда соберется дума?
— Когда онъ оставитъ постъ премьера.

гостемъ. Поэтому я предлагаю вамъ обсудить и разъ навсегда рѣшить: какой изъ существующихъ нынѣ видовъ смертной казни предпочтительнѣе въ сравненіи съ другими, и то, что вы по соглашенію между собою постановите, будетъ признано обязательнымъ для судей всѣхъ націй. Даю вамъ полчаса на размышленіе и, чтобы не стѣснять васъ своимъ присутствіемъ,—я испаряюсь!

Оставшись одни, участники засѣданія нѣкоторое время пребывали безмолвными.

Скоро, однако, между ними завязались оживленные споры и, какъ это обыкновенно бываетъ, каждый съ нѣмой у рта отстаивалъ свое. Одинъ другому уступить не хотѣлъ и считалъ свои доводы неоспоримыми.

Такъ въ безплодныхъ дебатахъ и прошелъ короткій срокъ, назначенный Великимъ Дракономъ, который съ нѣмецкою аккуратностью ровно черезъ полчаса очутился вновь на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

— Ну, что? спросилъ онъ. На чемъ рѣшили?

Отвѣта не последовало.

— Я такъ и зналъ! съ презрительной усмѣшкой продолжалъ Драконъ. По своему глупому обыкновенію, вы, конечно, и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ вашихъ, не могли прійти къ соглашенію... Ну, ничего не подблещь, прійдется мнѣ рѣшать за васъ. Докладывайте, по порядку, кто за что стоитъ... Начни хоть ты, Линъ-Фу-Чанъ.

Смущенный судья стремительно вскочилъ и дрожащимъ отъ страха голосомъ произнесъ.

— Великій Драконъ! Прости меня, но я не знаю лучшаго способа казни, чѣмъ нашъ. Иоставить преступника среди площади на колѣни и отрубить ему голову—что можетъ быть прощѣ? Я считаю этотъ способъ наиболѣе совершеннымъ, хотя-бы уже потому, что онъ—самый дешевый.

Кромѣ того, народъ къ нему привыкъ и не ропщетъ; напротивъ, всякое новшество, въ особенности заимствованное у иностранцевъ, приводитъ его въ ярость.

— Да, ты, пожалуй, правъ! пробормоталъ Драконъ.— Ну-ка, слѣдующій!

Всталъ французъ.

— Я ничего не имѣю противъ отсѣченія головы,—сказалъ онъ,—но полагаю, что гильотина—болѣе благородное и гуманное средство, чѣмъ топоръ или мечъ палача. Неужели вы, monsieur Dragon, можете въ этомъ сомнѣваться?

— Конечно нѣтъ! Однако послушаемъ, что скажетъ намъ нашъ союзникъ?

— Да что говорить-то? Вопросъ, ваше степенство, простой: ежели казнить человѣка по суду—то лучше повѣсить, а ежели безъ суда—то разстрѣлять куда способнѣе! Потому, на всѣхъ—веревокъ не напасешься, а патроновъ у насъ дѣвать некуда. Развѣ не резонно?

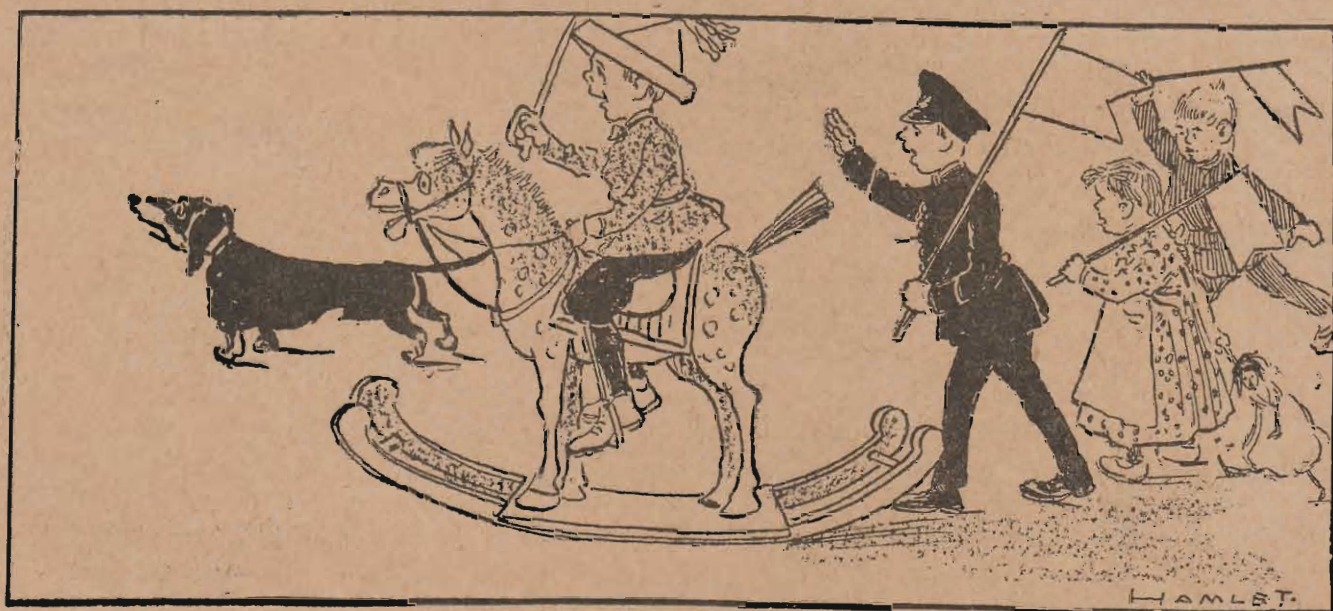
— Разумѣется!.. Кто-же станетъ спорить!

— Я, Великій Драконъ! Если позволишь... рѣшительно заявилъ турокъ. Въ моей странѣ преступниковъ сажаютъ на колъ, и хотя этотъ видъ казни на первый взглядъ и кажется жестокимъ, однако онъ гораздо гуманнѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ, умирая въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, казнимый имѣетъ возможность основательно помолиться Аллаху о душѣ своей.

— Да, это хорошо! Такая забота о душѣ ближняго дѣлаетъ честь вашимъ судьямъ...

— Хорошо!.. презрительно отозвался американецъ. Очень дурно, а не хорошо... Азіаты!.. Казнить надо такъ, чтобы человѣкъ пересталъ жить моментально. Вотъ, какъ у насъ: посадилъ въ кресло, нажалъ электрическую кнопку—и капуть!

— И это, положимъ, вѣрно! меланхолически замѣтилъ Драконъ. Когда-нибудь вы мнѣ покажете, мистеръ Самъ, какъ это дѣлается. А пока—выслушаемъ остальныхъ...

Что насъ пугаетъ дома.

Искорки.

— Правда-ли, что васъ разгоняла полиція?
— Не вѣрьте! Она не разъ гоняла насъ... а
гораздо чаще!

* * *

— О чемъ мечтають наши бюрократы?
— О крестахъ.
— А о чемъ они никогда и не мечтали?
— О нихъ-же, конечно.

Дальнѣйшіе распросы указали, однако, въ такой-же мѣрѣ безплодными, какъ и предшествовавшіе. Каждый убѣдительно-мѣрнымъ образомъ доказывалъ превосходство того именно способа казни, который примѣняется въ его странѣ, и съ каждымъ Великій Драконъ соглашался.

Ободренные его милостивыми репликами, представители націй перестали стѣсняться и, забывъ, гдѣ они и съ кѣмъ они, подняли такой крикъ и гамъ, что перепугали всѣхъ вампировъ и летучихъ мышей, обитавшихъ въ пещерѣ; нѣкоторые изъ послѣднихъ, по женской слабости, попадали даже въ обморокъ со страху.

Драконъ начиналъ приходить въ отчаяніе и съ растеряннымъ видомъ слушалъ безконечные споры волюнтовавшихся вокругъ него смертныхъ.

Вдругъ...

Все и всегда кончается въ сказкахъ „вдругъ“; такъ было и на этотъ разъ; когда утомленные спорщики нѣсколько угомонились, въ Великую Дракону приблизился желтолицый человѣкъ небольшого роста, скромно сидѣвшій до того въ тѣни и не принимавшій участія въ спорахъ.

— Позволь, Великій Драконъ, и мнѣ молвить слово! крикнулъ онъ.

— Ахъ!.. Это ты, Тахико-Санъ! почему-то обрадовался Драконъ. Говори, говори... Какъ это я тебя не замѣтилъ!..

— Это почему? отвѣтилъ желтолицый человѣкъ. Меня до сихъ поръ многіе не замѣчали, но я отъ этого въ убытокъ не былъ... Такъ вотъ, послушай! Твоя попытка, какъ видишь, не удалась. Они—онъ указалъ рукою на присутствовавшихъ—никогда не придутъ къ соглашенію на этомъ свѣтѣ. Это потому, что всѣ они разсуждаютъ, такъ сказать, теоретически и всѣ одинаково упрямы.

Попробуй-ка сдѣлать вотъ что: прикажи каждому изъ насъ казнить тѣмъ способомъ, который онъ рекомендуетъ, и собери гасъ на новое совѣщаніе на томъ свѣтѣ. Тамъ—

мы окажемся болѣе стоворчивыми, нежели „здѣсь“,—я въ томъ увѣренъ! Что меня касается, то я, по твоему приказу, готовъ тотчасъ-же совершить надъ собою харикири, какъ это принято въ моей странѣ!

— Вотъ это мысль! радостно воскликнулъ Драконъ. Вотъ это мысль!.. повторилъ онъ. Да будетъ по твоему, Тахико-Санъ!.. Эй, палачи!..

Но не успѣлъ онъ отдать приказъ явившимся точно изъ—подъ земли палачамъ, какъ вся толпа совѣщавшихся, упавъ на-колѣни, въ одинъ голосъ завопила:

— Не надо!.. Не надо!.. Не надо!..

— Чего не надо? грозно сверкнувъ глазами, спросилъ Драконъ... Чего не надо, бездѣльники?..

— Не надо казнить, Великій Драконъ!.. Не надо казнить! ..

Обливаясь холоднымъ потомъ, проснулся на своемъ ложѣ Линъ-Фу-Чанъ. Приподнявшись, онъ глядѣлъ вокругъ себя точно безумный, не понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ.

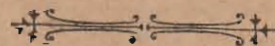
— Не надо казнить!.. стономъ стояло въ его ушахъ. Не надо казнить! бессознательно шептали его губы.

Понемногу онъ пришелъ въ себя, всталъ и, угнетенный, пригнулся за свой туалетъ.

Случайно увидѣвъ себя въ зеркалѣ, Линъ-Фу-Чанъ отшатнулся въ испугъ: наканунѣ еще черная коса его за одну ночь совершенно посѣдѣла!..

— Да, не надо казнить!.. громко произнесъ онъ, устремляя къ небу свои просвѣтленныя взоры.

Гр. Кайзерманъ.

Цирковая дама (пародия).

Охотникъ и Змѣя.

(Басня).

Выслѣживая дичь съ обычнымъ увлеченьемъ,
Охотникъ по лѣсу съ собакою бродилъ

И вдругъ ногой на змѣйку наступилъ.

— „Ахъ, подлая!“ вскричалъ онъ съ отвращеньемъ, —
Вотъ я тебя сейчасъ!.. Трезоръ, возьми ее!“

И снялъ съ плеча ружье,

Чтобъ раздробить ей голову прикладомъ
(Какъ дѣльный человѣкъ, онъ дорожилъ зарядомъ!)

— „Постой!“ промолвила Змѣя, —

„Будь добръ, скажи, чѣмъ провинилась я?“

— „Какъ чѣмъ? Да тѣмъ, что создана ты гадомъ

И вредоносна для людей!..“

— „Но въ этомъ нѣтъ вины моей!

„Творецъ велѣлъ мнѣ быть такою...“

„Такъ, какъ-же смѣешь ты распоряжаться мною?!“

— „Ничтожество!.. И ты—туда-же, разсуждать?!“

Я — человѣкъ! Я — перлъ творенья!“

— „Не стану отрицать...“

„Твои... достоинства вѣдъ всякаго сомнѣнья.

„Ты вправѣ не вступать со мною въ объясненья...“

„Но все-жъ, позволь въ мой смертный часъ

„Сказать тебѣ всего два слова.

„Когда великій Іегова

„Съ такимъ искусствомъ создалъ васъ, —

„Мы, змѣи, съ завистью на этотъ фактъ глядѣли:

„Онъ свѣтлый разумъ въ васъ вложилъ,

„Чтобъ вамъ Его понятны были цѣли;

„Онъ васъ душою одарилъ,

„Чтобъ вы любить и сострадать умѣли:

„Онъ далъ вамъ все... ничѣмъ не обдѣлили!

„И что-жъ вы сдѣлали съ Его дарами?..“

„Вы землю бѣдную засѣяли грѣхами

„И кровью залили своей!..“

„Не говоря о васъ, — мы, змѣи, тонемъ въ ней!

„Но что всего подлѣй, —

„Вы всю вину грѣхопаденья

„Взвели на насъ поклѣпомъ, безъ стѣсненья,

„Чтобъ обѣлить себя!.. О, да!.. Ты — перлъ творенья,

„Ты — человѣкъ, а я — лишь гадъ земной,

„Ты міромъ властвуешь, а я въ немъ пресмыкаюсь,

„И все-таки, по совѣсти признаюсь,

„Своей судьбой

„Я никогда съ тобой не помѣняюсь!

„Прощай!..“ И въ мигъ, сверкнувши чешуей,

Почесла въ заросли густой.

Кай-Цезарь.

На пріемъ.

Онъ перевелъ духъ, втянулъ въ себя вздутый животъ и, осторожно приподнявшись на цыпочки, подобострастно устремилъ сіяющую лысину впередъ: къ нему приближался начальникъ.

— „А! очень радъ! здравствуйте!.. такъ... такъ... Ну, что? Какъ тамъ у васъ?.. Что новаго?“

— Все благополучно, ваше высоко — ство! — и докладчикъ кивнулъ головой, сдѣлавъ родъ книксена, — милостями вашего высоко — ства!.. Только...

— Только? — переспросило съ улыбкой начальство, склонивъ голову на бокъ.

— Только у насъ опять образцовъ нѣтъ! Формы дѣловыхъ бумагъ...

— Какъ это?

— Да тѣ мы, ваше высоко — ство, по деревнямъ разо — слали...

— Ну, и?..

— А тамъ они частью сгорѣли, частью подмокли.

— Какъ такъ?

— А въ волостныхъ избахъ, ваше высоко — ство, на пожарахъ!..

— Гдѣ? когда? какъ?

— Да вмѣстѣ съ остальными избами, ваше высоко — ство!..

— Съ какими избами?

— Съ деревенскими! Сожгли вѣдъ деревни-то!

— Кто? почему?

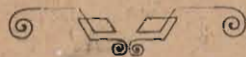
— Для искорененія крамолы!..

— Ну?..

— И образцовъ не спасли...

Приходится теперь уже безъ дѣловыхъ формъ!..

2.

„PERPETUUM MOBILE“.

На дворѣ зима стояла...

И родная сторона —

Въ стужѣ, въ холодѣ — ментала,

Что свободу дастъ весна!..

Улыбнулся май душистый...

Но остался прежній гнетъ!

И рѣшили съ вѣрой чистой:

Лѣтъ правду принесетъ!..

Но ужъ августъ на исходѣ!

Нѣтъ реформы и слѣда!..

Знать желанную свободу

Жди ужъ осенью тогда!..

Снова вѣтры зашумѣли

Надъ родимой стороною...

Застонали сосны, ели...

Будетъ воля лишь зимой!..

И зима вослѣдъ настала.

А родная сторона

Все надежды не теряла,

Что свободу дастъ весна!..

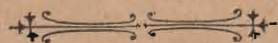
2.

Среди „истинно — русскихъ“ людей.

— Папа, почему бьютъ евреевъ?

— Но чему попало, милочка!..

Нежного Чепухи

Чепуха сошла съ ума,
Бѣлены отвѣдавъ;
Въ тундры ѣдетъ кутерьма
Вѣшать самоѣдовъ.
Началъ въ школъ бунтовать
Красноглазый кроликъ;
Лѣзъ опричникъ на кровать,
А попалъ на столникъ.
Кровяную лижутъ слизъ
Ветхіе бароны;
Въ избирателей впились
Черныя вороны.

Два камрада порютъ чужь.
И сѣкутъ другъ друга;
Бюрократъ притиснулъ гаушъ,
Но она упруга.
Трусъ кронштадтскій, нѣжа плоть,
Убѣжалъ отъ рожниъ;
Можетъ сѣчь и запорожъ
Каждый запороженъ.

Изъ „крестовъ“ и крѣпостей
Вылѣзаютъ земцы:

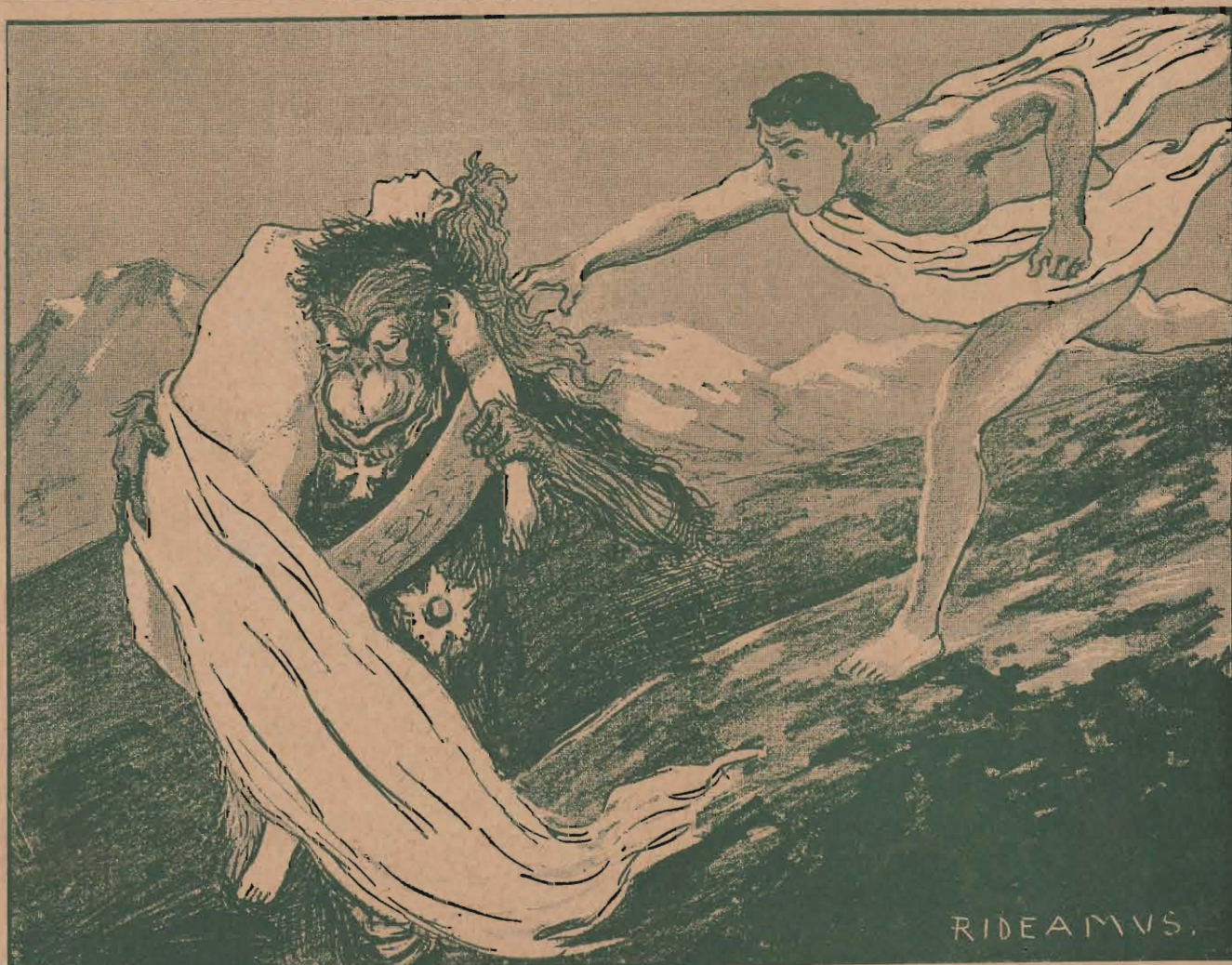
Имъ дается отъ властей
Производство въ нѣмцы.
Взятку будочникъ отвергъ.
И, какъ долгъ природы,
Послѣ дождика въ четвергъ,
Выросли свободы.

Слезы въ урны потекли,
Звонко-золотисты...
Тутъ, какъ овцы, вы пришли,
Волки—финансисты!
Заглянули въ водоемъ,
Въ водоемъ пусто:
Догниваетъ нынче въ немъ
Кислая капуста.
Ни внизу, ни наверху
Не спаслись «кадеты»...
Смерть избѣсилась, чепуху
Разогнавъ по свѣту.

К. Льдовъ.

Бюрократъ и Геркулесъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ редакціи.

Литературный и художественный матеріалъ просить адресовать на имя редактора: С.-Петербургъ, Пушкинская, 10, кв. 19. Рукописи должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса; матеріалъ, присылаемый безъ указанія гонорара, оплачивается по усмотрѣнію редакціи; возвратъ непринятыхъ къ напечатанію рукописей необязателенъ. Личныя объясненія съ редакторомъ: по Пятницамъ и Субботамъ отъ 7 до 8 час. веч. и по Воскресеньямъ отъ 1 до 3 час. дня.

Отъ конторы.

Съ заказами обращаться къ издателямъ: К. К. Арсеньеву — Песочная ул., д. № 29, кв. 16 или Г. Я. Кайзерману — Пушкинская 10, кв. 19. Подписная цѣна съ перес. и дост. 3 р. въ годъ.

Оптовая и розничная продажа №№ журнала производится:

въ магазинъ „СЕГАЛЬ“, Невскій пр. (уг. Владимірскаго), д. № 49, тел. № 1677.

КОМУ НУЖНЫ

штемпеля, печати, надписи, вывѣски и мелкая типографская работа пусть обращается въ магазинъ „СЕГАЛЬ“ бывш. Александръ Кундеръ.

Невскій пр. № 49, телефонъ № 1677

КОСА

— — — Ежедѣльно. — — —

Коси, коса,
Пока роса.

Обезьяна и Бегемотъ.

(Басня)

Мартышка, раздобывъ (ужъ я не знаю, какъ!)
Штаны, шапченку и пиджакъ,
Безъ дальнихъ думъ въ нихъ облачилась
И сразу даже удивилась:
Совсѣмъ, какъ будто, человѣкъ!
— „Вотъ диво!..“ думаетъ. „Весь вѣкъ
Была поганой
Обезьяной
И вдругъ, такъ просто, невзначай
Въ почетный классъ „людей“ вступила!..
Такъ вотъ, въ чемъ главная-то сила,—
Въ штанахъ!.. Поди-ка, угадай!..
И съ радости моя Мартышка въ плясъ пустилась;
Визжитъ, кривляется, оретъ
Во весь свой обезьяний ротъ.
— „Эй, кумушка!..“ сказалъ ей Бегемотъ,
„Ты что-жъ это, никакъ взбѣсилась?“
— „А ты?.. Ослѣпъ?... Не видишь, что-ль,
Какою я персоной стала?
Знай—почитай да кланяться изволь,
Пока терплю тебя, нахала,
Не то...“
— „Ну—кланяться, пожалуй, подождешь!
Дай спросить тебя, какъ слѣдъ, сначала, дуру:
Ты дорого-ль свою продать рѣшила шкуру?
Иль, можетъ, даромъ отдаешь?“

— „А что?“

— „Да то, что въ нынѣшнее время
Не очень-то у насъ въ чести людское племя!
По чистой совѣсти сказать,
Имъ, гордецамъ, порядкомъ достается.
Звѣрью куда вольнѣй живется!
Смотри, неровенъ часъ, рискуешь прогадать,
И берегись, чтобъ въ этакое нарядѣ
Не полетѣть тебѣ къ чертямъ
Верхомъ на пушечномъ снарядѣ..
Я чай, наврядъ-ли лучше тамъ...“
Холоднымъ обливаясь потомъ,
Моя Мартышка въ тотъ-же мигъ
Къ пріятелю на спину прыгъ
И скрылась вмѣстѣ съ Бегемотомъ.

Мораль?... Но, кажется, она
Вполнѣ ясна.

Аэра.

КАРТИНКА БУДУЩАГО.

На Руси водворился рай.
Непокорства, возмущенія, забастовки, даже резолюціи и петиціи,—все это неозвратно кануло въ Лету.
Крестьяне мирно пахутъ свои полосы; рабочіе не отказываются работать на заводахъ и болѣе десяти часовъ; литераторы въ правительственной газетѣ (всѣ остальные—закрыты) пишутъ о томъ, какъ садить кашу.
Однимъ словомъ, насталъ на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе.
Высокопревосходительная особа ѣдетъ съ директоромъ своей канцеляріи (штатъ которой, кстати, увеличенъ вдвое) по Невскому на автомобилѣ.
Встрѣчающіеся обыватели столицы, даже не помышляя о гражданскихъ свободахъ, встаютъ при ихъ проѣздѣ во фронтъ, снимаютъ головные уборы и ожесточенно вопятъ „ура“.
Отечественные сборы, въ изыщной, придуманной для нихъ специалистомъ формѣ, сонливо расхаживаютъ по улицамъ, нисколько не заботясь объ исполненіи своихъ обязанностей, такъ какъ обыватели давнымъ-давно уже почти поголовно превратились въ охранителей.
Полиціи нѣтъ и въ поминѣ.
На каждомъ перекресткѣ стоитъ, однако, дальнотойное орудіе и два пулемета. Изрѣдка, для очистки улицы, пускается, по старой памяти, граната.
Особа замѣтно растолстѣла: пришло, такъ сказать, „исполненіе желаній“. Но чело ея хранитъ слѣды безсон-

ныхъ ночей и безпокойныхъ думъ, а острый взоръ, оставиваясь порою на мелькающихъ домахъ, какъ будто старается проникнуть за каменные стѣны, угадать мысли ихъ обитателей.

Сидящій рядомъ чиновникъ пробуетъ развлекать начальство.

— Изволите видѣть, ваше —ство, торговля у насъ процвѣтаетъ, промышленность растетъ, крамола искоренена!

— А это что? — перебиваетъ особа расхоловавшійся чиновникъ, приостанавливая машину.

Чиновникъ смотритъ въ направленіи превосходительнаго пальца.

— Ничего-съ! Домъ-съ, ваше —ство!

— То-то домъ! А на дому что?

— Выѣзка, ваше —ство.

— Да, а на выѣскѣ синимъ по бѣдому написано: „ТАБАКЪ и БУМАГА“! Я этого не потеряю, это—намекъ! Торговецъ, безъ сомнѣнія, вольнодумецъ и своей кричащей выѣзской хочетъ сказать, что наше дѣло — табакъ, а всѣ наши канцелярскія писанія—лишь переводъ бумаги. Разражу!

— Ваше —ство! Прикажете повѣсить? Можно въ юстицію написать...

— Ну нѣтъ... Ты ужъ черезчуръ! Посади его, мерзавца, а желаетъ гулять на свободѣ—десять тысячъ рублей. Ни копѣйки меньше!

Алексѣй Тягличковъ.

АРАБЕСКИ.

Въ морѣ сокрыто безчисленное множество полезныхъ вещей, но если ищешь здоровья, то оно на берегу.

Друзья узнаются только въ темницѣ.

Есть разница между тѣмъ, у кого на груди покоится подруга, и тѣмъ, кто устремляетъ оба глаза на дверь въ ожиданіи ея.

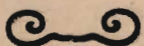
Легко убить живого, но убито-го уже не оживишь.

Арабскій конь быстро мчится два перехода — и только, а верблюдъ идетъ тихо и день, и ночь.

— „Миръ ни для кого не вѣченъ!“ сказалъ нѣкій адмиралъ, отправляя къ праотцамъ своихъ соплеменниковъ.

Чудесное пробужденіе.

Человѣку, который зашибаетъ копѣйку, читать некогда.

Неудивительно поэтому, что кабинетомъ для чтенія служило у Саввы Ерофевича Дурышкина — члена «союза русскихъ людей» — интимное мѣсто.

Разъ какъ-то, разгладивъ клокъ бумажки и предварительно подумавъ: — И сколько это пишутъ и печатаютъ! — Дурышкинъ прочиталъ: «...въ исторіи мы находимъ, что почти всегда и всюду большинство администраторовъ, прибѣгавшихъ къ насильственнымъ мѣрамъ, были люди невѣжественные...»; дальше было опять оторвано.

Дурышкинъ даже плюнулъ.

— А! вездѣ крамола, — подумалъ онъ, — всюду, всюду!

Выйдя изъ импровизированной библіотеки, въ которой рокъ судилъ ему расширить свои горизонты, онъ съ раздраженіемъ хлопнулъ дверью и пробормоталъ:

— Собственно я, какъ членъ союза русскихъ людей, долженъ донести куда слѣдуетъ... Марфа! — крикнулъ онъ.

— Чего?

— Откуда берешь ты эти... бумажки?

— Мало-ли сору-то, буду я все помнить!

Савва Ерофевичъ крикнулъ, но раздраженіе его не проходило. Какъ человѣку рѣшительному, ему нужно было добраться до какого-нибудь конца.

— Да нѣтъ, не можетъ этого быть! воскликнулъ онъ, наконецъ, въ одно утро съ озлобленіемъ, и озлобленіе его было столь велико, что онъ рѣшилъ «бросить псамъ недѣлю» и съѣздить за границу, чтобы проверить справедливость прочитаннаго.

Какъ человѣкъ положительный, Дурышкинъ держалъ, однако, ухо остро и остерегался довериться первому встрѣчному. Поэтому, приѣхавъ въ Парижъ, онъ сталъ прежде всего искать истинно-французскихъ людей.

Потерпѣвъ неудачу, Дурышкинъ махнулъ въ Лондонъ и, остановившись въ какой-то гостинницѣ, первымъ дѣломъ спросилъ швейцара:

— Послушай, голубчикъ! Не знаешь-ли ты здѣсь какого-нибудь истинно-англійскаго человѣчка?

Наконецъ, разозлился даже его переводчикъ, такъ какъ на многократные вопросы всѣ отвѣчали одно:

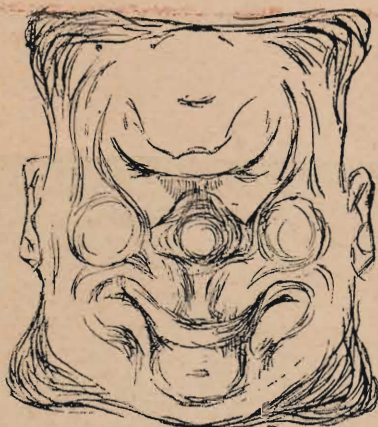
— What? — и тѣмъ дѣло кончалось.

Объѣздивъ всю Европу и убѣдившись, что нѣтъ ни истинно-прусскихъ людей, ни истинно-австрійскихъ, ни истинно-итальянскихъ, ни даже (тутъ ужъ Дурышкинъ не выдержалъ и сказалъ про себя: «Эхъ, пи-рога вамъ съ кашей»!) истинно-испанскихъ людей, членъ союза истинно-русскихъ людей удостовѣрился, что, дѣйствительно, во всей Европѣ администраторы — «люди невѣжественные» — и что гордиться своими администраторами вправдѣ одна только «матушка Русь»...

Перехожій.

1.

2.

Оптимистъ и пессимистъ.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ...

— Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—
Разсказать, что этимъ лѣтомъ...
— Если рѣчь о Думѣ тутъ,
То, мой другъ, напрасный трудъ!..
— Нѣтъ, зачѣмъ.. Причемъ здѣсь Дума?
Не люблю я даромъ шума!..
Я хотѣлъ-бы разсказать...
— Можешь также умолчать
О министрахъ, графѣ Витте
И его послушной свитѣ!
— Да о нихъ ни слова я!..
— Такъ о чемъ-же рѣчь твоя?
Кстати, если про «движеніе»
Хочешь высказать ты мнѣнїе,
Такъ не стоитъ говорить...
— Но, однако... какъ-же быть?
Не болтать-же о погодѣ!..
— Заодно ужъ — о свободѣ
Ты не трать напрасныхъ словъ!
— Что-же слушать ты готовъ?
— Средь Россійскаго беззавѣнья
Думалъ ты начать «за здравье»...
Но кончай «за упокой»
И — ступай себѣ домой!..

Тель.

„Раскрытіе злодѣйскаго заговора“.

Надняхъ, благодаря счастливой случайности, былъ открытъ заговоръ, угрожавшій спокойствію и благоденствію страны. Грозная опасность висѣла надъ нами, какъ туча, но молитвами отца Іоанна Кронштадтскаго все обошлось благополучно.

Дѣло происходило такъ.

Одинъ изъ членовъ Русскаго Собранія, проходя по Невскому мимо Екатерининскаго садика, увидѣлъ тамъ скопленіе народа и ни одного городского.

Усмотрѣвъ въ этомъ нарушеніе закона, сей доблестный патріотъ немедленно принялъ свои мѣры и черезъ нѣкоторое время садикъ былъ оцѣпленъ цѣлымъ эскадрономъ жандармовъ и конныхъ полицейскихъ.

Во главѣ со своими предводителями, съ громкими криками „ура“, они вломились въ открытые ворота и предложили растерявшимся злодѣямъ сдаться безъ сопротивленія.

Всѣ были немедленно арестованы.

Злоумышленники, очевидно, принадлежали къ вреднѣйшимъ партіямъ и сообществамъ и были захвачены въ разгарѣ преступныхъ дѣйствій.

Часть злодѣевъ (вѣроятно анархисты) съ поразительной дерзостью, среди бѣла дня, дѣлали подкопъ въ большой кучѣ полузамерзшаго песку.

Другая группа (несомнѣнно революціонеры) спѣшно приготовляла изъ снѣгу ручныя бомбы ввидѣ круглыхъ шаровъ, величиною съ некрупный апельсинъ.

Тутъ-же была обнаружена превосходно организованная и вооруженная боевая дружина, производившая ученіе на виду сидящихъ на скамейкахъ, съ рукодѣльемъ, женщинъ.

Испуганные преступники пытались спрятаться за спины мирныхъ гражданокъ; они хватились за ихъ юбки, дѣлая изъ нихъ нѣчто вродѣ баррикады—но тщетно, всѣ были переловлены.

Нѣсколько флаговъ, барабанъ, дудки, губныя гармоникки, сабли цѣною отъ 35 копѣекъ до рубля, пистолетъ и десятокъ ружей, заряженныхъ горохомъ, — достались трофеями въ руки отважныхъ побѣдителей. Захвачено также нѣсколько аэростатовъ (служившихъ, очевидно, для развѣдочныхъ цѣлей) красного цвѣта, на ниточкахъ.

Предводитель отряда въ моментъ ареста, выказалъ отчаянное сопротивленіе.

— Моя сабля... моя! моя! кричалъ онъ, когда его хотѣли обезоружить; но оказавшись безсильнымъ, разразился градомъ ругательствъ и заплакалъ.

При выясненіи личности арестованныхъ встрѣтилось немало затрудненій; многіе отказывались назвать себя и дать о себѣ какія-либо свѣдѣнія, а на вопросъ „ты чей“ отвѣчали: папинъ или маминъ (при этомъ выяснилось, что писатель Маминъ тутъ не при чемъ).

Особенною таинственностью окружилъ себя упомянутый выше глава заговора. Къ обнаруженію его личности приняты всѣ мѣры.

Вотъ его примѣты: росту маленькаго, усовъ и бороды не имѣетъ; одѣтъ въ неприсвоенное ему полу-форменное пальто синяго цвѣта съ металлическими пуговицами; на головѣ матроска съ надписью „шалунъ“. Имѣющихъ что-либо сообщить по этому поводу просятъ обратиться въ ближайшій полицейскій участокъ.

Боби.

За долгія испытанія наконецъ-то намъ улыбнулось счастье: мы больше не можемъ должать, намъ не даютъ. Поистинѣ—Провидѣніе сжалилось надъ нами.

П—ій.

Пестрая сказочки.

I. О томъ, какъ одинъ министръ искалъ довѣрія.

Жилъ да былъ на свѣтѣ одинъ министръ. Вздумалось ему довѣрія поискать. Позвалъ онъ къ себѣ мужичка.

— Вѣришь ты мнѣ? — спрашиваетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ мужичекъ, — не вѣрю!

Позвалъ министръ рабочаго.

— Вѣришь ты мнѣ, братецъ?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ рабочій, — не вѣрю.

Позвалъ министръ банкира.

— Одолжи, — говоритъ, — мнѣ пятьсотъ миллионъ.

Ужъ ты-то, я думаю, мнѣ довѣряешь?!

Жметса банкиръ, помалкиваетъ, а денегъ, впрочемъ, не даетъ.

Всѣхъ звалъ къ себѣ министръ, всѣхъ опрашивалъ, и все одинъ отвѣтъ.

Разсердился министръ, кулакомъ объ столъ ударилъ.

— Вотъ я васъ, чертовы куклы, упрячу всѣхъ! Будете меня помнить!

— Охъ, вѣримъ, вѣримъ, ваше—ство! — закричали спрашиваемые въ одинъ голосъ.

II. Обывательскія грезы.

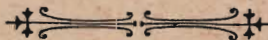
Приснилось одному обывателю, что онъ свободнымъ гражданиномъ сталъ. И такъ онъ хорошо себя чувствовалъ, что и просыпаться не хотѣлось.

Пришелъ городской и разбудилъ обывателя. Ну, и увидѣлъ обыватель, что все это ему только приснилось.

III. О томъ, какъ одинъ земскій начальникъ высѣкъ волостного старшину и что ему за это было.

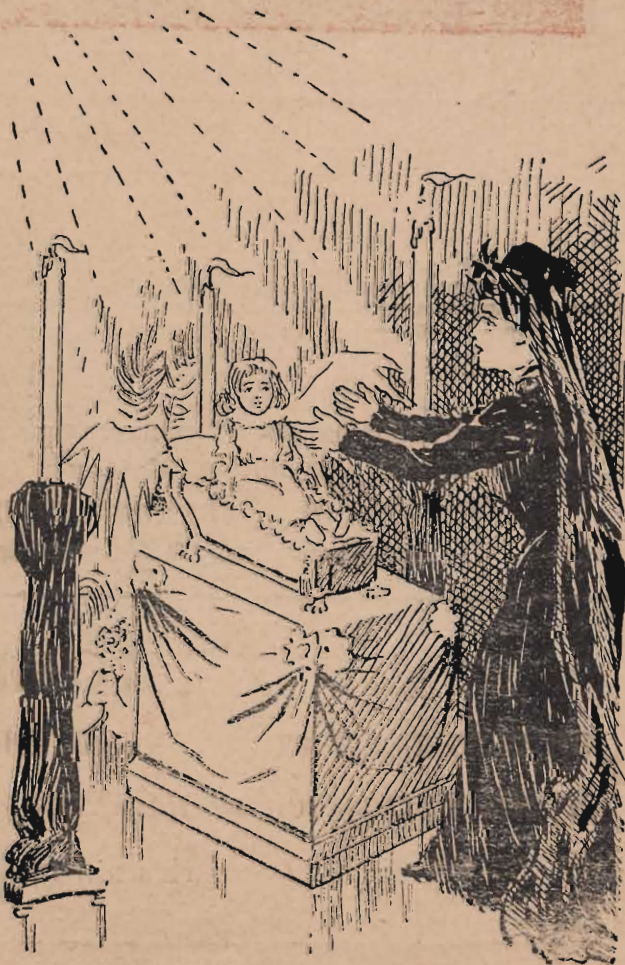
Ничего не было. Высѣкъ, на томъ дѣло и кончилось.

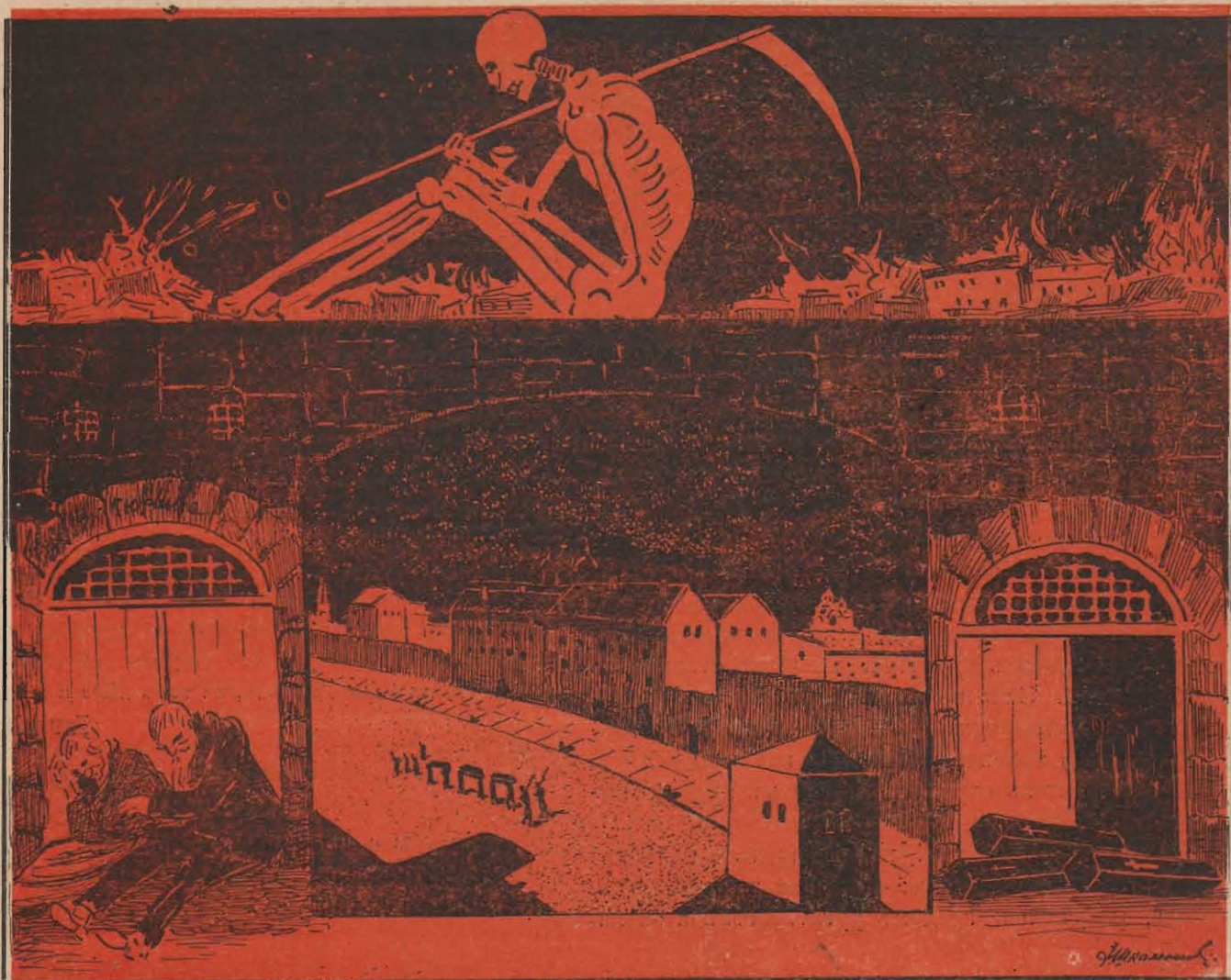
Евгеній.

— Кто былъ первый премьеръ?

— Безъ сомнѣнія Каинъ, ибо онъ первый посягнулъ на жизнь брата...

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Отъ редакціи.

Литературный и художественный матеріалъ просятъ адресовать на имя редактора: С.-Петербургъ, Пушкинская, 10, кв. 19. Рукописи должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса; матеріалъ, присылаемый безъ указанія гонорара, оплачивается по усмотрѣнію редакціи; возвратъ непринятыхъ къ напечатанію рукописей необязателенъ. Личныя объясненія съ редакторомъ: въ будни отъ 7 до 8 час. веч. и по Воскресеньямъ отъ 1 до 3 час. дня.

Отъ конторы.

Съ заказами обращаться къ издателямъ: К. К. Арсеньеву—Песочная ул., д. № 29, кв. 16 или Г. Я. Кайзерману—Пушкинская 10, кв. 19. Подписная цѣна съ перес. и дост. 3 р. въ годъ.

Оптовая и розничная продажа №№ журнала производится:

въ магазинъ „СЕГАЛЬ“, Невскій пр. (уг. Владимірскаго), д. № 49, тел. № 1677.

КОМУ НУЖНЫ

штемпеля, печати, надписи, вывѣски и мелкая типографская работа пусть обращается въ магазинъ „СЕГАЛЬ“ бывш. Александръ Кундеръ.

Невскій пр. № 49, телефонъ № 1677

КОСА

—== Ежедневно. ==—

Коси, коса,
Пока роса.

Художественный цензоръ.

Полицейскій чинъ спитъ и видитъ сонъ.

Видитъ онъ, будто пришелъ ему приказъ идти на выставку картинъ и процезуровать ее: что оставить, что убрать, что разрѣшить, что запретить.

И полицейскій чинъ страшно доволенъ. Лество. Довѣрие начальства; дѣло—чистое, искусство, оно для души больше, а главное—безопасно: на обыскъ въ частной квартирѣ нищенъ, нищень, да такое иной разъ найдешь, что и самъ не радъ, благодаренье Господу, что живъ останешься. А картинная выставка лучше не въ примѣръ: ходишь, какъ бы мещанать, и распоряжаешься. Только и всего.

Полицейскій чинъ видитъ во снѣ, какъ онъ придетъ на выставку. Дверь передъ нимъ распахнута, сняли пальто; распорядители встречаютъ съ почетомъ, всѣ кругомъ кланяются, вводятъ даромъ (положимъ, для чиновъ полиціи входъ вездѣ бесплатный) и даже каталогъ даромъ дали.

Цензоръ открываетъ каталогъ, водитъ пальцемъ по строкамъ и угрожающе произносить.

— А ну-ка посмотрите, что у васъ тутъ...

И всѣ кругомъ кланяются...

№ 1. «Свѣтасть». Рѣчка. Исконъ. Раннее утро.

— Свѣтасть-съ... Убрать... Экое вольнодумство... И въ журналахъ «свѣтасть», и на выставкахъ «свѣтасть...» Когда надо—и безъ васъ разсвѣтаетъ, а пока уберице...

№ 2. Портретъ Максима Горькаго.

— Помилуйте-съ!—Его пьесамъ запрещаютъ, а вы это самого повѣсили... Убрать!..

№ 3. Портретъ Шалинина...

— Это пріятель Горькаго?... Убрать...

— Помилуйте, шепчетъ распорядитель, арестать. Импраторской оперы...

— Развѣ?... А впрочемъ, если онъ на службѣ, такъ ка-дѣнь форму, стой въ подолющей позѣ, а не ручки въ брючкѣ... Убрать...

№ 4. Красныя бабы.

— Почему красныя? Зачѣмъ красныя?... Что это за намеки!..

— Видите-ли, одни красныя тона—это смѣло... объясняютъ художникъ.

— Слишкомъ смѣло. Это не сатирическій журналъ, а картина. Дерекрасьте въ зеленый или убрать...

Художникъ красить, а полицейскій чинъ идетъ дальше.

№ 5. Портретъ старушки.

— Что-то очень грустно... Чей портретъ?..

— Одна московская...

— Московская? Съ грустью на лицѣ? Убрать...

№ 6. Рисунки къ «Пиковой дамѣ».

— Это-съ пиковая дама?... Вы думаете, я не понимаю, что это не пиковая дама, а пасквиль на высокочтимого Константина Петровича?... Уберите, скорѣе уберите!..

№ 7. Иллюстраціи къ армянскимъ сказкамъ...

— Арияке... беспорядки на Кавказѣ... сепаратизмъ... Уберите.

№ 8. Дѣтели земскаго съѣзда.

— Убрать.

№ 9. «Баторжикъ».

— Убрать... Впрочемъ, оставьте для назиданія.

№ 10. «Еврей».

— Ничего. Только пусть предъявить право на жителство, такъ нельзя.

№ 11. «Ангель».

— Это рядомъ съ евреемъ-то? Неподобасть... Повѣсьте заглавъ въ уголъ, и лампадочку соорудите... въ память чего нибудь патрістическаго—получите благодарность...

Около картины, изображающей обнаженную женщину, цензоръ останавливается.

— Ну-ка... Сюжетецъ недурень...

Полицейскій чинъ щуритъ глаза и даже смотритъ черезъ пальцы—«для рельефу...» Но вдругъ лицо его сдвигается тревожное вырженіе.

— Какъ названіе?

— Этюдъ...

— Нѣтъ ужъ, потрудитесь названіице вытѣмать полностью, а то назовете «Въ полицейскомъ участкѣ», а я потомъ отвѣчай...

Цензоръ взходитъ въ отдѣльную комнату—и останавливается въ восторгѣ.

«Члены государственнаго совѣта!..» Сановники.

Онъ оправляетъ мундиръ и марширующимъ шагомъ проходитъ отъ портрета къ портрету, становится передъ каждымъ во фронтъ и умиляется.

— Господи! Сподобился... Даже Вячеславъ Константиновичъ, какъ бы въ живыхъ...

Тутъ полицейскому чину захотѣлось выказать особое уваженіе—и онъ вдругъ накидывается на распорядителя.

— Почему-же это ихъ превосходительство нарисованы спиной?... Это дерзость! Неужели въ личности его превосходительства вы съ вашимъ художникомъ не нашли ничего интереснаго, кромѣ спины.

Полицейскій чинъ воодушевляется и входитъ въ азартъ.

— Да понимаете-ли, вы, милостивый государь и вдругъ онъ чувствуетъ, какъ чья то рука хватаетъ его за шиворотъ, тащить по комнатамъ, мимо «Ангела», «Старушки», ухмыляющихся Шалапина съ Горькимъ (какое униженіе!...), распахиваются двери и—онъ стремглавъ летитъ съ лѣстницы прямо на улицу.

Вѣшалыщики смѣются, распорядители смѣются, художники смѣются, даже швейцаръ, подлецъ,—и тотъ смѣется.

Стыдно, обидно—стыдно такъ, что полицейскій чинъ даже просыпается.

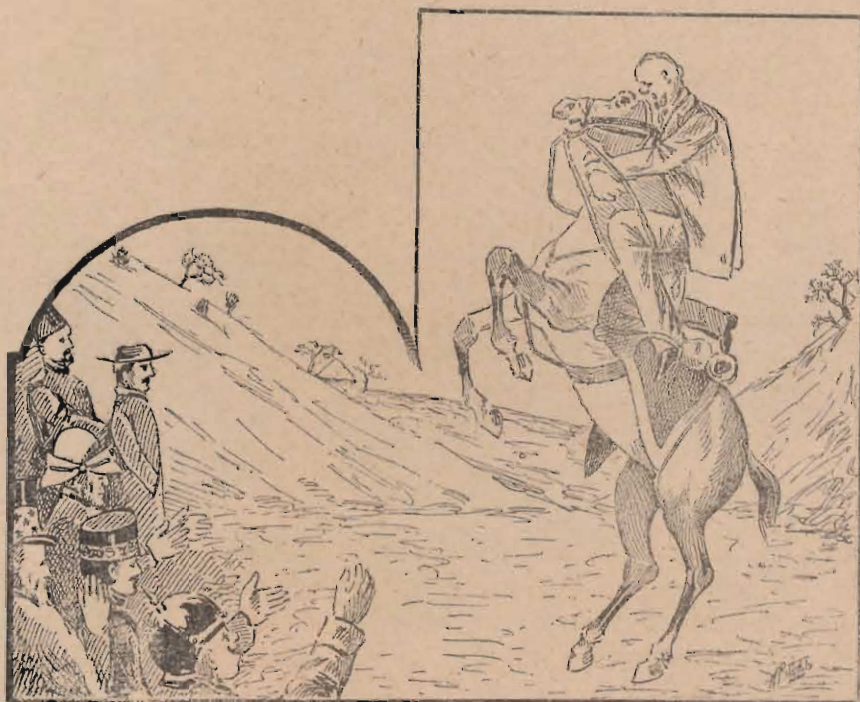
— Душечка—спрашиваетъ онъ за чаемъ жену — что значить видѣть во снѣ—унасть съ лѣстницы?...

— Плохо. Подниматься хорошо, а опускаться плохо — къ неудачѣ.

Подъ впечатлѣніемъ дурного сна развѣнчанный цензоръ идетъ на службу и при первомъ же взглядѣ на начальство видитъ, что оно сердито.

— Сонъ въ руку... быть бѣдѣ! думаетъ онъ, вспоминая свое, разсѣянное, какъ миражъ, величіе.

Боби.

Конь и лавочникъ.

(Басня).

Какой-то лавочникъ, случайно, въ лотерею—

Гдѣ и когда, сказать я не сумѣю—

Коня на свой билетъ неожиданно получилъ.

Злой рокъ надъ нимъ изрядно подшутилъ:

Конь—верховой и въ упряжь не годился,

А лавочникъ во весь свой вѣкъ,

Какъ осторожный человѣкъ,

И на осла ни разу не садился.

Такъ если-бъ здраво разсудить,

Куда-жъ ему съ такимъ конемъ дѣваться?

Ни въ санкахъ въ праздникъ покататься

Ни въ будни въ дроги заложить...

Продать?... Но вотъ въ чемъ незадача:

Онъ больно суевѣренъ былъ,

И какъ-то разъ ему сапожникъ разъяснилъ,

Что выигрышъ—въ дѣлахъ удача,

Такъ продавать его не слѣдъ,

Чтобъ не случилось разныхъ бѣдъ.

Конечно, было-бы умнѣе

Пожертвовать его обратно лотереѣ,

Но такова уже душа

У торгаша:

Чуть въ руки что къ нему попало—

Пиши тому пропало!

Итакъ, въ концѣ концовъ, коня

Рѣшилъ использовать лабазникъ

И думаетъ:—„Ужъ ежели меня

„Судьба свела съ тобой, проказникъ,

„Такъ, значить, такъ тому и быть!

„Ужели мнѣ тебя и впрямь не покорить?

„Хоть я и не гожусь въ жокеи,

„Но не страшусь такой затѣи

„И мудрости большой совсѣмъ не вижу въ томъ.

„Чтобъ на конѣ проѣхаться верхомъ!“

Такъ мыслить онъ заносчиво и смѣло.

Но только что въ сѣдло мой лавочникъ вскочилъ,

Чтобъ привести рѣшеніе въ дѣло,

Конь взвился на дыбы, какъ древній Буцефалъ,

И, сбросивъ всадника, едва не затопталъ...

Конечно, лавочникъ—не графъ, въ томъ спора нѣту
Но все-жъ не грѣхъ прочесть и графу басню эту.

Азра.

Охранители вопить:—„Стой!.. Держи еро!.. Назадъ!“

У насъ.

У нашихъ друзей.

Замѣтки.

Для того, чтобы граждане подумали о Россіи на свободѣ, ихъ сажаютъ въ уединенныя мѣста.

* * *

Если хочешь думать объ отечествѣ и опасаться, то старайся думать глупо.

* * *

Русскій премьеръ полагаетъ, что быть просто русскимъ премьеромъ — зазорно, и что онъ долженъ быть, „истинно-русскимъ премьеромъ“.

* * *

Въ предразсвѣтную пору всегда вѣетъ холодкомъ.

П—ій.

Есть-ли на свѣтѣ такая дикая страна, гдѣ бы богатыхъ угощали золотомъ, а нищихъ свинцомъ?

* * *

Кто на страшномъ судѣ станетъ „одесную“, крамольники или черносотенцы?

* * *

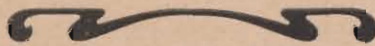
— „Много-ли человѣку нужно?“ воскликнулъ одинъ терпѣливый военачальникъ, получая свои три милліона изъ банка.

Прятки.

Пусть нагайки казаковъ
Учатъ нашихъ мужиковъ,—
(Ихъ удѣлъ всегда таковъ!)
Я мѣшать не стану...
Въ Ясную Поляну
Звалъ, повѣрьте, ихъ не я:
Править здѣсь моя семья,—
Я-же ближнимъ—не судья!
Въ прятки я играю,
Хата моя съ краю!

Левъ въ отставку.

Между подругами.

— Отчего, собственно, ты расходишься съ Жоржемъ, Леночка?

— Мы принадлежимъ съ нимъ къ различнымъ политическимъ партіямъ: онъ—кадетъ, а я влюблена въ правовѣда.

За картами.

— Пики!

— Гдѣ?... Что?... Почему?...

МОЛДАВСКАЯ ПѢСНЯ.

(пародія)

Гляжу я безмолвно на свой календарь,—
И листъ за листомъ отрываю, какъ встарь.

* * *

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Я вѣрилъ въ людей и свободу любилъ.

* * *

Свободныя рѣчи прельщали меня,
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

* * *

Однажды на митингъ я былъ приглашенъ;
Комнѣ постучался презрѣнный шпионъ.

* * *

„Тебѣ измѣнили,—шепнулъ онъ,—друзья;
Задержана будетъ вся группа твоя.“

* * *

Я далъ ему въ зубы и проклялъ его:
Свобода собраній—основа всего.

* * *

На митингъ поѣхалъ я въ легкихъ саняхъ,
И думалъ о близкихъ и радостныхъ дняхъ.

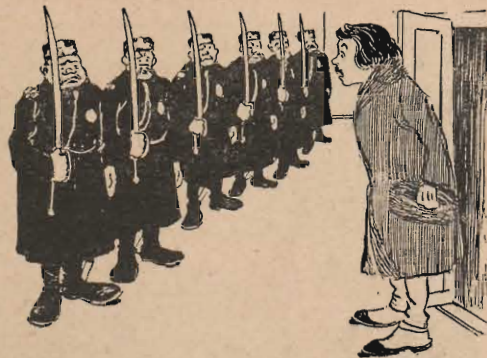
* * *

Но, чуть перешелъ я завѣтный порогъ,—
Въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ...

* * *

Вдоль стѣнки стоялъ полицейскій нарядъ;
Жандармы свершали обычный обрядъ.

* * *

Но взвидѣлъ я свѣта. Жандармъ подлетѣлъ;
Я выложилъ все, что въ карманѣ имѣлъ!

* * *

Бобровую шапку въ рукахъ я держалъ,
Но кто-то и шапку мою отобралъ.

* * *

Я помню протесты; потомъ—протоколъ...
Погибла свобода, воскресъ произволъ!

* * *

Когда же надвинулся сумракъ нѣмой,
Безъ шапки, уныло побрелъ я домой.

* * *

Съ тѣхъ поръ я не слышу свободныхъ рѣчей,
Не вѣрю ни силѣ, ни ласкѣ ничьей.

* * *

Гляжу, какъ безумный, на свой календарь:
Ужели все будетъ, какъ было и встарь?

К. Льдовъ.

Притча.

И бысть лѣсъ, и мнози деревья мощныя и кусты малые тамо во славу Божию произрастали. И свѣтомъ солнечнымъ и вѣтеркомъ радостнымъ упоенные воспѣвали хвалу Господу и деревья гордые, и кусты слабые и вольнымъ радостямъ свободной жизни предавались.

И грусть и уныніе обьяло лѣсъ. Будеть бо уничтоженъ лѣсъ, и свалены будутъ деревья мнози. „Сила великая и желѣзная, топоромъ на языкѣ людскомъ именуемая, идетъ на ны!“ — шепталъ лѣсъ. И жалостно плакали кусты малые: „Идетъ сила велія, сила жестокая, топоромъ нарицаемая. Чѣмъ поборемся съ силою желѣзною? Како отъ силы сей жестокой укроемся и отъ лица ея камо бѣжимъ? Силентъ топоръ, и погибель горькая, неминуемая идетъ на ны!“ жаловались кусты малые, въ страхъ и ужасъ веліемъ листья теряя.

И вѣщали въ отвѣтъ великаны гордые, деревья мощныя: „Не страшна намъ есть сила дикая, страшно лишь предательство подлое. Не побѣдитъ топоръ силой дикою лѣса вольнаго, коль не будетъ дерева для рукоятки, топоромъ нарицаемой. Коли выдастъ кто, коль измѣнитъ кто, прійдетъ на насъ гибель неминуемая. А не будетъ предателей да измѣнниковъ, не справится съ нами насилію лютому, силъ дикой, силъ желѣзной. Не насиліе дикое страшно, страшны измѣна подлая и предательство черное. Не золь человекъ, палачомъ именуемый, страшнѣе лютой звѣрь, провокаторомъ нарицаемый“.

Въ кабинетѣ.

— Гмъ... гмъ... Это вы? Тотъ самый...
— Такъ точно-съ, ваше-ство! Тотъ самый, который...

— Да вы уже и отвѣчаете! А я не успѣлъ еще договорить...

— Прошу прощенія... Но не хотѣли-ли ваше-ство спросить, не авторъ-ли я того письма, въ которомъ предлагались услуги для выслѣживанія лицъ, которыя...

— Вы удивительно догадливы! Я именно объ этомъ и думалъ!.. Такъ что...

— Каждый день!.. По положенію, занимаемому мною въ нѣсколькихъ учрежденіяхъ, я могу тамъ слѣдить за всѣми и каждымъ... и свѣдѣнія доставлять буду каждый день!

— Радъ! очень радъ! вы поразительно предугадываете вопросы!.. Ну, а на счетъ...

— Вознагражденія? Согласенъ на жалованье; опредѣленное жалованье! Только обязательно классный чинъ и парочку-съ орденовъ—за усердіе!

— Пожалуй! за этимъ дѣло не станетъ!.. Но—о...

— Вы можете быть увѣрены въ моей безкорыстной любви къ родинѣ, ваше-ство! Отца и матери родныхъ не пожалѣю: отечество прежде всего!.. А нельзя-ли будетъ, пока-что, маленькій авансикъ?..

X—Б.

Жель.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ редакціи.

Литературный и художественный матеріалъ просятъ адресовать на имя редактора: С.-Петербургъ, Пушкинская, 10, кв. 19. Рукописи должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса; матеріалъ, присылаемый безъ указанія гонорара, оплачивается по усмотрѣнію редакціи; возвратъ непринятыхъ къ напечатанію рукописей необязателенъ. Личныя объясненія съ редакторомъ: въ будни отъ 7 до 8 час. веч. и по Воскресеньямъ отъ 1 до 3 час. дня.

Отъ конторы.

Съ заказами обращаться къ издателямъ: К. К. Арсеньеву—Песочная ул., д. № 29, кв. 16 или Г. Я. Кайзерману—Пушкинская 10, кв. 19. Подписная цѣна съ перес. и дост. 3 р. въ годъ.

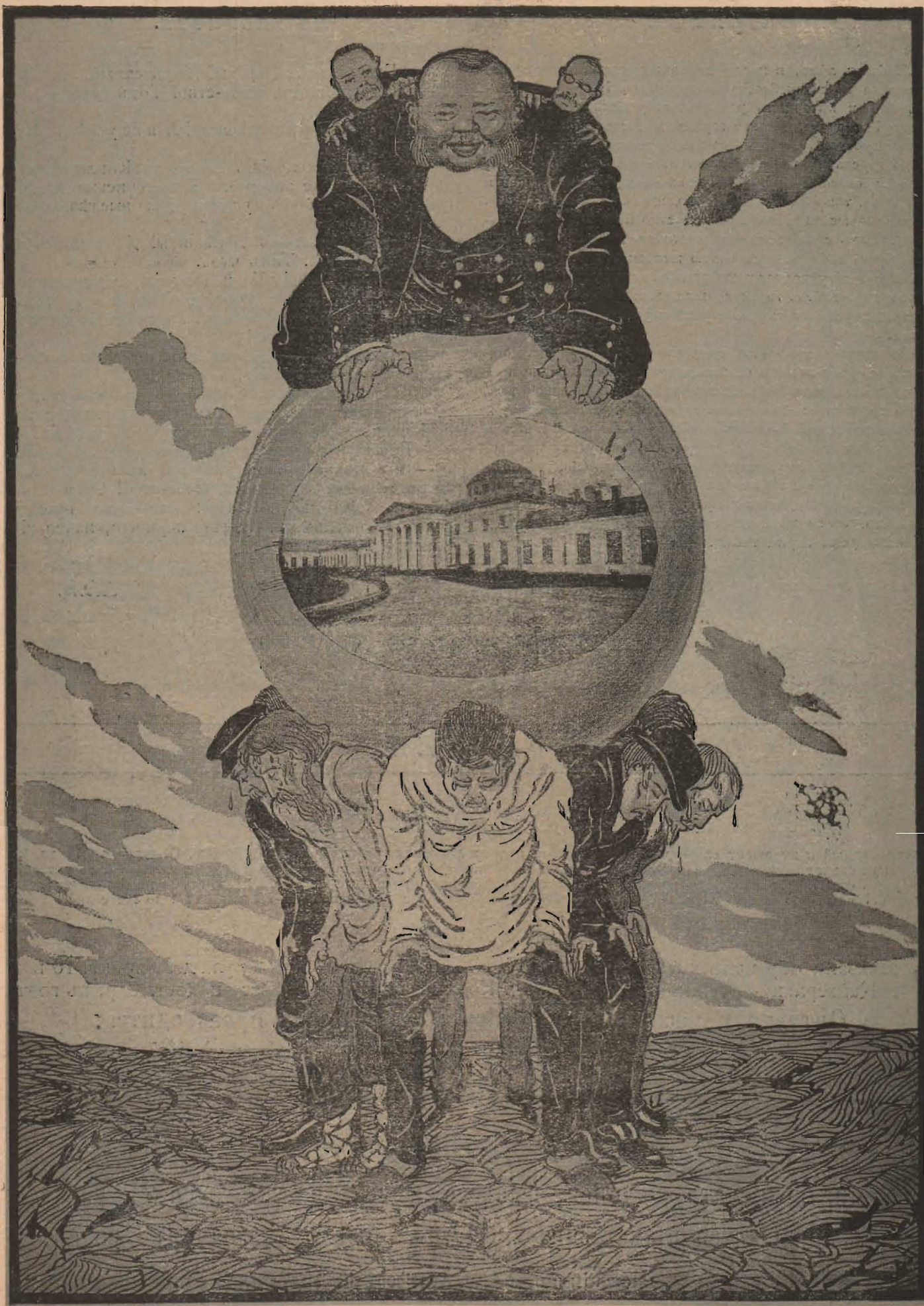
Оптовая и розничная продажа №№ журнала производится:

въ магазинѣ „СЕГАЛЬ“, Невскій пр. (уг. Владимірскаго), д. № 49, тел. № 1677.

КОМУ НУЖНЫ

штемпеля, печати, надписи, вывѣски и мелкая типографская работа пусть обращается въ магазинъ „СЕГАЛЬ“ бывш. Александръ Кундеръ.

Невскій пр. № 49, телефонъ № 1677

Два казны.

КОСА

—== Ежедѣлъно. ==—

Коси, кога,
Пока роса.

Какъ мы издавали сатирическій журналъ.

Вы, навѣрное, думаете, господа, что выпустить сатирическій журналъ все равно, что апельсинъ скушать? Ошибаетесь и заблуждаетесь.

Верусь доказать это фактомъ.

Какого числа,—не припомню (скверный былъ день), собралась наша небольшая, но теплая компанія. Тутъ былъ отставной подполковникъ Ершицевъ, владѣлецъ писчебумажнаго магазина Петролеевъ, вашъ покорный слуга *) и одинъ молодой человекъ безъ опредѣленныхъ занятій, по фамилии Долгушинъ. Собралъ насъ всѣхъ Петролеевъ, оповѣстившій наканунѣ, что желаетъ потолковать по какому-то серьезному дѣлу.

Пришли. Сѣли.

— Я пригласилъ васъ, господа,—началъ Петролеевъ классической фразой, чтобы сообщить вамъ очень пріятное извѣстіе **). Мнѣ пришла въ голову идея: почему-бы намъ не издавать сатирическаго журнала?

Насъ всѣхъ такъ и ошеломило. У всѣхъ мелькнула мысль:

— И въ самомъ дѣлѣ, почему мы не издаемъ сатирическаго журнала?

Я вспомнилъ о своей алегіи, которую мнѣ возвратили уже изъ трехъ редакцій. Теперь ее можно пристроить въ журналъ, въ сатирическій журналъ. Вещь была не сатирическая, но, Господи помилуй, неузнали мы не хозяева въ своемъ дѣлѣ!

Первымъ опомнился Ершицевъ.

— Въ спискѣ сотрудниковъ слѣдуетъ напечатать: отставной подполковникъ и кавалеръ многихъ орденовъ Петръ Петровичъ Ершицевъ. Это придастъ солидность изданію.

*) И вѣдь помню,—зубы болѣли. Можетъ, это перестъ, былъ, указаніе: не ходи, молъ, сиди дома. Нѣтъ, не послушалъ!

**) Послѣ оказалось, что подлинное выраженіе Гоголя было—бы куда болѣе у мѣста.

— Я вижу, господа, продолжалъ Петролеевъ, что всѣ согласны съ моей идеей?

— Ну, конечно! Разумѣется! О чемъ тутъ говорить?!

— Не выйдетъ ли только,—опять медленно затянулъ нашъ хозяинъ,—затрудненія въ деньгахъ? Подумали-ли вы, господа, что на изданіе нуженъ капиталъ?

Дѣйствительно. Оказалось, никто изъ насъ и не вспомнилъ объ этой сторонѣ дѣла.

Ершицевъ опять захрипѣлъ.

— Да! Придется отказаться отъ этой блестящей идеи. На самомъ дѣлѣ, гдѣ мы возьмемъ денегъ? Есть у меня что-то въ сберегательной, но, признаться, книжка у моей Настаси Петровны, а пытаться у нея взять, при всемъ своемъ желаніи, я не могу. И такъ волосъ на головѣ немного. Да тутъ еще... цвѣточныхъ горшковъ на всѣхъ окнахъ поставлено. Нѣтъ ужъ, увольте!

— Не безпокойтесь,—заявилъ Петролеевъ,—волосы ваши останутся на мѣстѣ и горшки будутъ цѣлы. Кажется, я выведу васъ изъ затруднительнаго положенія. У меня есть нѣсколько сотъ рублей свободныхъ. На изданіе перваго номера хватитъ, а тамъ какъ нибудь извернемся.

Мы обалдѣли отъ радости.

— Голубчикъ! Спаситель! Ну, теперь дѣло въ шляпѣ!

— А кто, господа, будетъ у насъ редакторомъ?

— Да ужъ кому же больше,—заявилъ молчавшій до сихъ поръ Долгушинъ,—конечно, Антонъ Антоновичъ будетъ у насъ редакторомъ.

Я скромно потупилъ глаза. Было ясно, что буду избранъ я, такъ какъ всѣ знали, что три мои стихотворенія были напечатаны въ «Свѣтѣ».

— Я присоединяюсь къ мнѣнію предыдущаго оратора,—вдохнулъ Ершицевъ,—Антонъ Антоновичъ у насъ литераторъ. Такъ ему и книга въ руки.

Я всталъ и отвѣсилъ поклонъ присутствующимъ.

— Благодарю за честь, господа! Надѣюсь видѣть васъ въ числѣ сотрудниковъ моего журнала...

— Подождите немного, — остановил мои изліянія Петро-
леевъ, — а вы знаете, что почти навѣрняка сидѣть придется?
Нѣсколько десятковъ редакторовъ уже сидятъ въ петербург-
скихъ тюрьмахъ.

Меня точно огнемъ ожгло.

Судили, рядили, а все таки рѣшили, что редакторомъ
буду я.

Петролеевъ не хотѣлъ рисковать своимъ писчебумаж-
нымъ заведеніемъ, Ершицевъ ссылался на семерыхъ дѣтей
и на слабое здоровье нѣжно любящей его Настасы Петров-
ны, Долгушину не оказалось 25 лѣтъ.

Такъ началась исторія, приведшая меня сюда, откуда
я пишу эти строки.

Дальше началась возня съ бумагой, съ заказомъ клише.
Ершицевъ нѣжно гладилъ и щупалъ выбранную бумагу,
приговаривая:

— Атласъ! Прямо атласъ!

Я же, редакторъ, хлопоталъ о литературномъ и худо-
жественномъ матеріалѣ.

О, этотъ матеріалъ! Это — море, въ которомъ находить
себѣ могилу не одинъ редакторъ! Это — дремучій лѣсъ, всту-
пая въ который не знаешь, за какимъ кустомъ скрывается
василискъ, отъ котораго получишь смерть!

Мнѣ доставили кучу всевозможныхъ рисунковъ, причемъ
становилось ясно, что авторы желали по меньшей мѣрѣ за-
садить меня въ тюрьму. Я рѣшилъ бороться съ этимъ,
чтобы спасти свою свободу, и принималъ соответствующіи
мѣрѣ.

А литература! Нѣтъ, рѣшительно авторы имѣли что-то
противъ меня. Они писали стихи о какихъ то розовыхъ мла-
денцахъ съ крыльями, летавшихъ надъ Россіей (и гдѣ они
это видѣли?), о свободѣ, о надеждахъ на будущее и т. д.
и т. д. Прозанки были не лучше. Въ ихъ разсказахъ рѣчь
шла, напимѣръ, о злыхъ окровавленныхъ вампирахъ, о
разныхъ гарантіяхъ и о многомъ такомъ, чего я и разска-
зать не рѣшусь *).

Поэтъ Эфирскій принесъ мнѣ свой „Пейзажикъ“...

Это было что то невѣроятное! Я выгналъ поэта за
дверь и выпилъ три стака́на холодной воды.

Ершицевъ настаивалъ, чтобы въ списокѣ сотрудниковъ
я упомянулъ о его чинѣ и орденгахъ, но я поугалялъ его: жур-

*) И не трудитесь. Редакторъ все равно не пропуститъ.
Прим. наборщика.

наль, какъ хотите, будетъ политическій, а что скажетъ На-
стасы Петровна? Онъ поспѣшно отказался отъ своей просьбы.

Наконецъ, и литературный матеріалъ, и рисунки были
готовы, и я еще разъ внимательно пересмотрѣлъ и то, и дру-
гое. Я читалъ слова справа налѣво, читалъ подрядъ на-
чальные буквы строкъ стихотвореній, думая, что не здѣсь
ли скрыто зло. Я взвѣшивалъ каждый образъ, каждую мета-
фору, предполагая различныя ихъ толкованія. Казалось —
ничего „антиполитическаго“! Все было мирно, благородно.

Я самъ снесъ текстъ и клише въ типографію. Черезъ
нѣсколько дней правилъ корректуру и выкинулъ нѣсколько
строкъ изъ разсказа, гдѣ говорилось что-то объ эскадрѣ
Тихаго океана. Зачѣмъ гусей дразнить?

Типографщикъ увѣрялъ, что нумеръ не будетъ конфис-
кованъ.

— Нашъ околоточный заходилъ въ типографію, посмо-
трѣлъ корректуру и сказалъ, что ничего не будетъ. Нумеръ
пройдетъ.

Какъ ни увѣрялъ я себя, что эта цензура полицейскаго
непріятна, но въ глубинѣ души я чувствовалъ значительное
облегченіе. Ужъ если тотъ, задача котораго читать въ умахъ
и между строкъ, не нашелъ ничего опаснаго, значить, дѣло
выгорить.

Въ ожиданіи выпуска въ свѣтъ нумера я ходилъ по ули-
цамъ и провоцировалъ газетчиковъ.

— Что, вышелъ „Мефистофель“?

— Никакъ нѣтъ.

— А говорятъ, интересный журналъ будетъ?

— Не слыхалъ.

Наконецъ, журналъ вышелъ въ свѣтъ. Я имѣлъ удо-
вольствіе видѣть, какъ на улицѣ артельщики предлагали:

— Только что полученъ первый нумеръ „Мефистофеля“
Очень интересный журналъ!

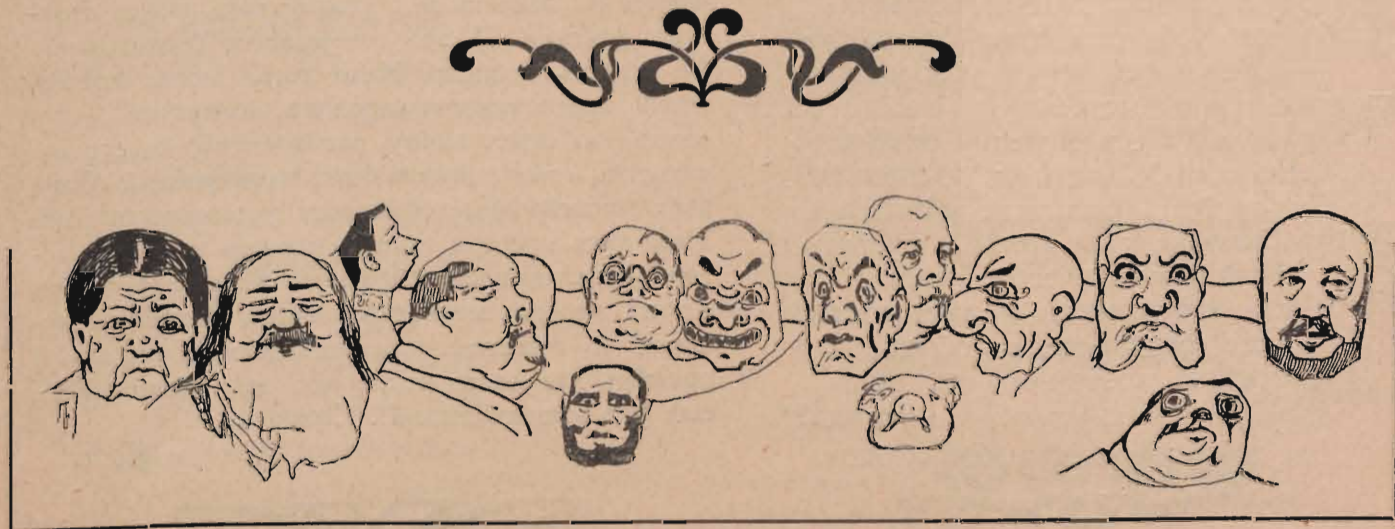
Я былъ внѣ себя отъ радости!..

А на другой день меня пригласилъ къ себѣ судебный
слѣдователь и спросилъ, есть-ли у меня 10000 рублей.

Теперь я хожу изъ угла въ уголъ своей камеры въ
Домѣ Продолжительнаго Заключенія и думаю:

— Ахъ, зачѣмъ я издавалъ сатирическій журналъ!

А. Тяльмиковъ.

Песъ и Ягненокъ.

(Басня).

Уставшій за ночь Песъ подъ утро задремалъ.
 Ягненокъ молодой толкнулъ его ногою
 И говоритъ:— „Эй, ты, нахаль!
 Какъ смѣлъ ты вольностью такою
 Меня, хозяйскаго любимца, оскорбить?
 Ты не затѣмъ сюда приставленъ,
 Чтобъ мнѣ тебя отъ волка сторожить!“
 — „Безспорно, что и говорить!
 Отъ миссиі такой, конечно, ты избавленъ...“
 Съ улыбкой Песъ Ягненку отвѣчалъ.
 „Но если-бъ ты, пока я спалъ,
 Куд-анибудъ подальше убѣжалъ,
 То это было-бы куда умнѣй, признаться!..
 Мнѣ волка нечего бояться,
 Тебя-жъ—кто знаетъ?—можетъ статься
 Еще сегодня-же, въ обѣдъ,
 Вдвоемъ съ хозяиномъ отвѣдаетъ
 сосѣдъ!“

Кай Цезарь.

Странно.

(Изъ обывательскихъ размышлений).

... Дивлюсь я, право! Въ то время, какъ власть
 твердой рукою пресѣкаетъ всякіе безпорядки, не
 допуская никакихъ собраній, манифестацій и тому
 подобнаго скопленія народа, на службѣ у конки
 состоятъ лица, всѣ обязанности которыхъ заклю-
 чаются въ маханіи на перекресткахъ улицъ крас-
 ными флагами. И это совершается безнаказанно
 на глазахъ полиціи! Мало того, когда вагонъ
 конки переполняется народомъ, кондукторъ,—ко-
 нечно, по преступному распоряженію своего на-
 чальства,—вывѣшиваетъ опять таки красный флагъ
 и благонамѣренные обыватели должны молча гля-
 дѣть, какъ посреди улицы движется скопище лю-
 дей съ развѣвающимися красными флагами. Неговоря
 о томъ, что это вселяетъ въ сердце чувство возму-
 щенія и естественнаго негодованія, но какой
 примѣръ для юнаго поколѣнія, для неокрѣпшаго
 еще ума нашихъ дѣтей?! Странно...

Боби.

Талисманъ.

(пародія)

Тамъ, гдѣ рѣки лѣтомъ плещутъ
На прибрежный свой гранитъ,
Гдѣ «кадетамъ» рукоплещутъ
И Мещерскій знаменитъ;
Гдѣ, свой умъ не утруждая,
Гласнымъ сталъ балетоманъ,—
Тамъ колдунья молодая
Мнѣ вручила талисманъ.

* * *

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ,—
Въ немъ таинственная сила,
Онъ тебѣ на пользу данъ.
Отъ «исторіи» печальной,
Въ забастовку, въ ураганъ,
Головы твоей опальной
Не спасетъ мой талисманъ.

* * *

И богатствами Китая
Онъ тебя не одаритъ;
Черносотенная стая
Съ нимъ тебя не пощадитъ;
И тебя изъ лона ссылки,
Изъ сибирскихъ, дальнихъ странъ,
Въ край родимой «предварилки»
Не умчитъ мой талисманъ...

* * *

Но когда Іуда очи
Станетъ пялить на тебя,
Иль уста, во мракѣ ночи,
Пощалуютъ, не любя:
Милый другъ! Въ твоей бѣдѣ я
Помогу, сразивъ обманъ,—
Отъ измѣны и злодѣя
Сохранить мой талисманъ!»

К. Львовъ.

Нефтепромышленникъ и Кротъ.

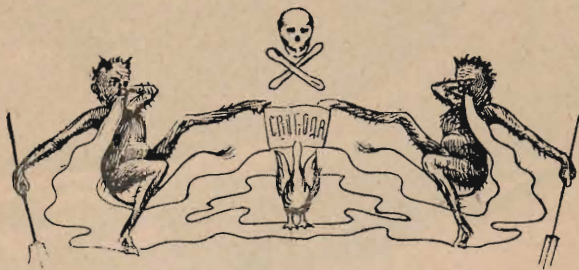
(Басня).

Съ сигарою во рту, съ разстегнутымъ жилетомъ.
Въ саду, подъ вечеръ, знойнымъ лѣтомъ
Нефтепромышленникъ задумчиво бродилъ.
Онъ только-что отлично пообѣдалъ,
Тончайшихъ блюдъ и винъ отвѣдалъ,
Но такъ какъ слишкомъ тученъ былъ
И докторъ спать ему строжайше запретилъ.
Подъ страхомъ смерти отъ удара
(Да минетъ васъ, читатель, эта кара!)
То, отдуваясь и ворча,
Въ душѣ кляня и лѣто, и врача,
Онъ каждый день, часами, до упада
Шагалъ по всѣмъ аллеямъ сада.
И вотъ, обычный свой свершая моціонъ,
Не знаю, съ умысломъ иль только ненарокомъ,
Ногою наступилъ на норку крота онъ.
Взвыль бѣдный кротъ въ отчаяннѣ глубокомъ.
И говоритъ ему съ упрекомъ:
— „Послушайте, signor,
Я здѣсь тружусь съ какихъ ужъ поръ,
А вы, какъ подлый воръ,
Въ мою забралися аллею
И лапой грузною своею
Въ одинъ моментъ съ лица земли
Плоды трудовъ моихъ стерли!..
Вѣдь садъ великъ! Ужели для прогулокъ
Вы не могли найти подалѣе закоулковъ?
Я слова не могу такого подобрать,
Чтобъ вашъ поступокъ „благородный“
Достойнымъ именемъ назвать!
Такъ могутъ нынче поступать
Лишь тѣ, въ комъ нѣтъ...“
— „Ахъ, ты негодный!
„Ахъ, тварь презрѣнная!.. Пигмей!
„Какъ смѣешь ты съ персоною моею
„Вступать въ такіе разговоры?!
„Мнѣ-ль отъ тебя выслушивать укоры?!
„Вѣдь садъ-то этотъ мой,
„И то, что я своей ногой
„Твоей коснулся грязной норы,
„Тебѣ-бы должно счесть
„За честь!..
„А ты, нахаль, корить меня дерзаешь!..
„Иль ты меня не знаешь?...“
— „Ну, какъ мнѣ васъ не знать!.. Вѣдь
вы кротамъ сродни...
У насъ и нравъ, и вкусы вѣдь одни!..
Хотя—простите, коль обижу,—
Я чести въ томъ не вижу
И, добрымъ будучи кротомъ,
Не дорожу такимъ родствомъ.
Въ чемъ ваша слава-то?.. Мы оба
Въ землѣ копаемся до гроба
И далѣе носа своего,
Признайтесь, ровно ничего
Въ житейскомъ поприщѣ не видимъ.
Мы оба свѣтъ и солнце ненавидимъ
И какъ отъ насъ, слѣпыхъ кротовъ,
Такъ и отъ васъ, нефтяниковъ,
Немного прока для прогресса.
Объ этомъ ваша-же свидѣтельствуеъ пресса!..
Но разница межъ нами въ томъ,
Что мы, кроты, въ согласіи живемъ
И жить другъ другу не мѣшаемъ.
Мы земляковъ своихъ не прижимаемъ,
И, какъ ни какъ, знакомы со стыдомъ.
А вы не сдѣлаете шагу,
Чтобъ къ слабымъ не явить постыдную отвагу
И даже родича не прочь порой прижать!..

Такъ мнѣ-ль, синьоръ, за честь считать
Несчастное знакомство съ вами?..
— „Ахъ, негодяй!.. Такъ ты...“ Но тутъ мой
нефтяникъ
(Онъ къ такимъ рѣчамъ, конечно, не привыкъ)
Отъ словъ крота прійдя въ большое изступленіе,
Весь полный гнѣва и волненія
Внезапно посинѣлъ—и въ тотъ-же самый мигъ
Ударъ несчастнаго постигъ!..
Но, падая довольно неумѣло,
Онъ все свое обрушилъ тѣло
На злополучнаго крота,
И отъ оратора, судившаго такъ смѣло,
Осталась на землѣ одна лишь мокрота!..

Такъ въ лучший міръ ушли они врагами...
Кто правъ изъ нихъ—рѣшайте сами.

Азра.

Рѣка застыла... На ней воздвигнуты какія-то постройки
и тянутся по ней тяжелые обозы. Здѣсь больше нѣтъ воды—
она вся превратилась въ камень. Отъ берега къ другому и
назадъ идутъ прохожіе по мрамору, который былъ рѣкою.
Хотятъ построить цѣлый городъ! Намѣчены ужъ улицы,
открыты лавочки; въ нихъ продаютъ, и покупаютъ; пьютъ
и ѣдятъ, и спятъ... Огонь разводятъ здѣсь—надъ бывшею
водою! Здѣсь можно все себѣ позволить и не бояться ничего...
Да здравствуетъ зима! Да здравствуютъ оковы льда! А небо!
Посмотрите: день-ли теперь, или ужъ ночь? Вѣлсоватый,
блѣдный свѣтъ чуть отражаетъ снѣгъ. Подумаешь, что
солнце умерло!..

* * *

Но нѣтъ! Ты не умрешь, свобода! Когда-нибудь, когда
тебя совсѣмъ никто не будетъ ждать, въ тотъ часъ, когда
тебя совсѣмъ забудутъ,—предстанешь ты въ сіяніи и вдругъ
увидать всѣ твой ликъ, прекрасный, какъ свѣтило! И здѣсь,
надъ этими снѣгами, надъ этимъ льдомъ, надъ всей этой
равниной, твердою, какъ камень, и бѣлою, какъ саванъ
мертвеца, надъ этою водой, которая отъ чаръ зимы давно
ужъ превратилась въ одну сплошную глыбу льда,—ты бро-
сишь лучъ свой золотой, свои пылающія, огненные стрѣлы—
и жаръ, и свѣтъ, и жизнь!

* * *

И вотъ... чу! Слышите-ли вы глухой протяжный гулъ?
Вы слышите-ли трескъ далекій, но ужасный? Рѣка вскры-
вается! Рѣка свой начинаетъ бѣгъ!.. Живыя воды радостно
и гнѣвно подняли ледъ и разломали склепъ! Казалось, это
былъ гранитъ; смотрите же—онъ въ дребезги разбитъ, какъ
хрупкое стекло!

В. Г.

Сказаніе о томъ, какъ я остался правъ.

(Посвящается Максиму Ученому).

Я имъ говорю—„Дума!“ А они мнѣ: „Иду на вы!“
Я имъ говорю—„Свободы!“ А они мнѣ: „Иду на вы!“
Я имъ опять говорю—„Дума!“ А они мнѣ...

И что-же? Via Berlin—Paris я узнаю, что „Свято-
славъ двинулся въ походъ на половцевъ!“

Разумѣется, я оказался правъ и въ заключеніе — via
Moscou—Jasoutski..

Слѣдовали-бы моему примѣру—и жились-бы хорошо...

Перехожій.

Въ сѣти одного рыбака попалась мощная рыба.
Онъ не могъ удержать ее и рыба, пересиливъ ры-
бака, вырвала изъ рукъ его сѣти и ушла.

Другіе рыбаки крайне жалѣли своего това-
рища.

— „Какая славная попалась тебѣ добыча!“ го-
ворили они. „А ты не съумѣлъ сберечь ее!“

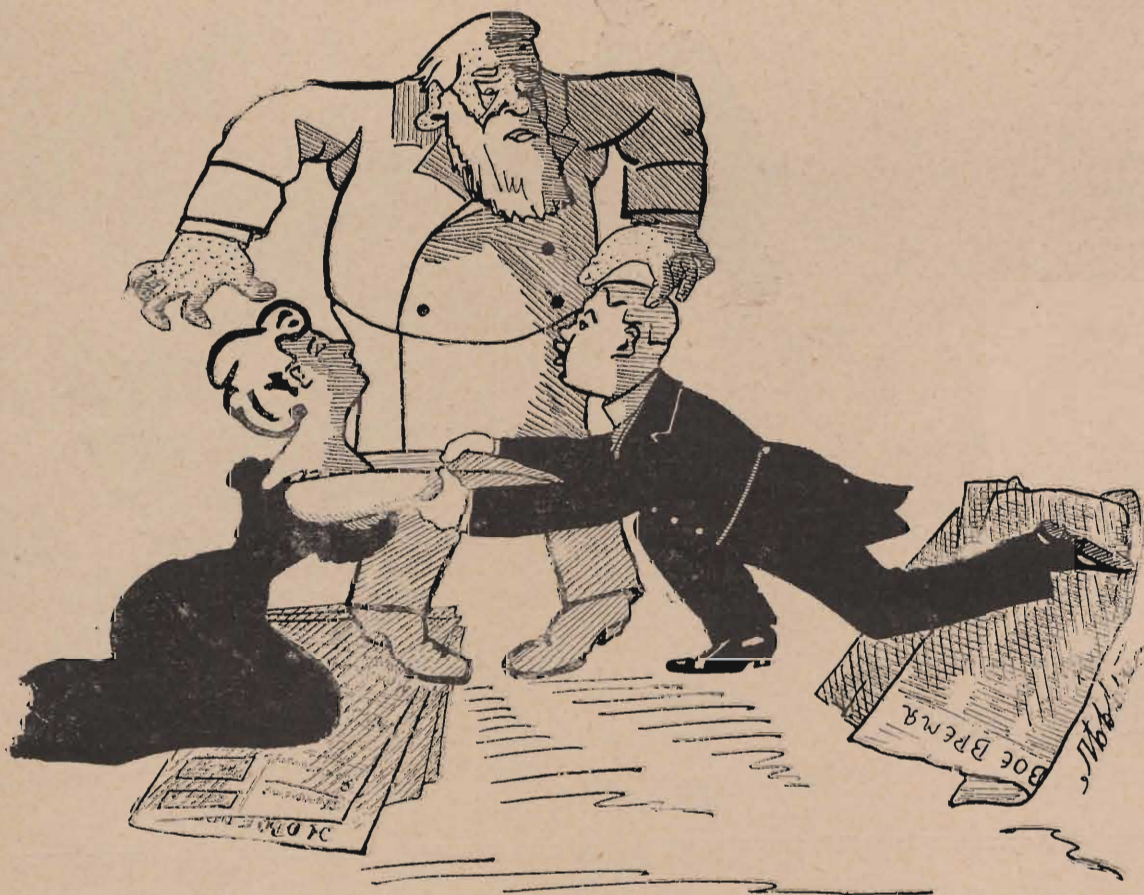
— „Что-же дѣлать, братцы!“ отвѣчалъ рыбакъ.
„Видно, это былъ не мой день, а день рыбы, ко-
торую еще не настигла судьба!“

С. Ш.**Вопросы.**

Обнаруженъ-ли секретъ Витте, какъ спасти Россію?

Если всѣхъ крамольниковъ перебьютъ, то хватитъ ли
въ Россіи лѣсу для крестовъ?

А земли для общаго кладбища?

Орликъ.**„СВАТУШКА“.****КОМУ НУЖНЫ**

штемпеля, печати, надписи, вывѣски и мелкая типографская работа
пусть обращается въ магазинъ „СЕГАЛЬ“ бывш. Александръ Кундеръ.

Невскій пр. № 49, телефонъ № 1677

Отъ редакціи.

Литературный и художественный матеріалъ просить адресовать на имя редактора: С.-Петербургъ, Пушкинская, 10, кв. 19. Рукописи должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса; матеріалъ, присылаемый безъ указанія гонорара, оплачивается по усмотрѣнію редакціи; возвратъ непринятыхъ къ напечатанію рукописей необязателенъ. Личныя объясненія съ редакторомъ: въ будни отъ 7 до 8 час. веч. и по Воскресеньямъ отъ 1 до 3 час. дня.

Отъ конторы.

Съ заказами обращаться къ издателямъ: К. К. Арсеньеву—Песочная ул., д. № 29, кв. 16 или Г. Я. Кайзерману—Пушкинская 10, кв. 19. Подписная цѣна съ перес. и дост. 3 р. въ годъ.

Оптовая и розничная продажа №№ журнала производится:

въ магазинъ „СЕГАЛЬ“, Невскій пр. (уг. Владимірскаго), д. № 49, тел. № 1677.

КОСА

—== Ежехедѣлно. ==—

Политика министерства и поддержка П. П. П.

Policy of the ministry

* * *

Ночь темна... Бушует море,
И встает за валом вал...
Разыгравшись на просторѣ
Свирѣпѣетъ грозный шквалъ.
Мѣрно дѣйствуя винтами,
Къ берегамъ родной земли
Держать путь между волнами
Разныхъ флаговъ корабли.
Имъ не страшенъ ревъ пучины,
Голосъ бури не страшитъ:
Прочно сложены машины,
Сталью корпусъ ихъ обшить.
Пусть ревутъ валы сѣдые,
Пусть бушуетъ океанъ:
Смѣло правятъ рулевые
И не дремлетъ капитанъ.

* * *

Затерявшись въ караванѣ
Кораблей, по гребнямъ волнъ
Тихо движется въ туманѣ
Одинокій утлый челнъ.
Вотъ стѣной крутой, высокой
Грозный валъ надъ нимъ виситъ,
Въ безднѣ черной и глубокой
Поглотить его грозитъ.
Но, привыкшіе съ годами,
Не сдаются храбрецы—
Дружно борются съ волнами
Закаленные гребцы.
Ясенъ взоръ ихъ, крѣпки руки,
И свободно дышетъ грудь,
Не смутятъ ихъ смерть и муки,
Не пугаетъ трудный путь.
Тамъ, вдали, во мглѣ холодной,
Поборовъ зловѣщій мракъ,
Имъ звѣздою путеводной
Свѣтитъ ласково маякъ.

* * *

Ночь темна... Бушует море,
И встает за валом валъ.
Разыгравшись на просторѣ
Свирѣпѣетъ грозный шквалъ.
Но не вѣчно будетъ длиться

Роковая эта ночь:
Вѣрьте, небо прояснится,
Солнце тьму прогонитъ прочь.
Стихнетъ штормъ, смирятся волны
И разсѣется туманъ...
Замолчитъ, покоя полный,
Утомленный океанъ.
И за гранью водъ безбрежныхъ
Яркимъ пурпуромъ горя,
Вновь въ лучахъ разсвѣта нѣжныхъ
Лучшихъ дней взойдетъ заря!

Лэра.

Сказка о дуракѣ.

Жилъ-да-былъ старикъ со старухой. Имѣли они одного—
единственного сына, да и тотъ дуракъ былъ.

Говоритъ ему мать:

— Ты-бы, сынокъ, пошелъ, около людей потерся, да
ума понабрался.

Послушался дуракъ и пошелъ по городу. Видитъ—го-
родовые изъ редакціи конфискованные номера журнала вы-
носятъ. Подбѣжалъ онъ къ нимъ, то около одного потрется,
то около другого.

— Не дури, говорятъ городовые, ступай, откуда при-
шелъ!

А дуракъ знай себѣ потирается. Озлились городовые и
давай его кулаками подбивать... Такъ ошпарили, что еле
домой приползъ.

— Что ты, дитятко, плачешь? спрашиваетъ его ста-
руха. Дуракъ рассказалъ.

— Ахъ, сынокъ, куда ты глупешенекъ! Ты-бы ска-
залъ имъ: Богъ на помочь, добрые люди! Носить вамъ не
переносить, возить не перевозить, таскать не перетаскать.
Они и дали-бы тебѣ номерочекъ, а мы-бы продали!

— Ладно, маменька, отвѣчаетъ дуракъ. Запомню!

Пошелъ онъ на другой день опять. Смотритъ—городовые
бомбу несутъ; а другую невдалекѣ разорвало—кого пока-
лѣчило, кого и вовсе убило.

Увидалъ ихъ дуракъ и кричитъ:

— Богъ въ помочь, добрые люди! Носить вамъ не пе-
реносить, возить не перевозить, таскать не перетаскать!

Обозлились городовые, опять дурака избивали. Пришелъ
онъ домой и жалуется:

— Вотъ, мама, ты научила, а я опять еле живъ
остался...

— Ахъ ты, дитятко незадачливое! А ты сказалъ-бы: канунъ да ладанъ! Снялъ-бы шапку, да сталъ поклоны бить; они-бы тебя накормили...

Въ третій разъ пошелъ дуракъ по городу... Слышитъ— въ одномъ домѣ музыка (это балъ у г. Дурново былъ).

Вошелъ туда дуракъ, снялъ шапку, какъ учила мать, и ну поклоны отбивать:

— Канунъ—говорить— да ладанъ! А самъ плачетъ, слезами разливается.

— Что это за невѣжа сюда пробрался? закричали пьяные гости. Слово по мертвому плачетъ... Вонъ его!!!

Порядкомъ опять досталось бѣднягѣ: еле-еле домой припелся.

— Охъ,—плачетъ—мать моя родная! Какъ больно-то меня прибили!..

— За что, дитятко?..

Дуракъ разсказалъ.

— А ты-бы, дитятко, поигралъ имъ на дудочкѣ! Они-бы тебя угостили!..

— Ладно, матушка!.. Буду помнить!

И на слѣдующій день опять въ городъ пошелъ.

А въ городѣ шло въ тѣ поры засѣданіе. Засѣдали въ немъ господа министры и прочіе разные вельможи.

Пришелъ дуракъ къ нимъ, вынулъ дудочку и ну играть!

— Пляшите, молъ, добрые люди, подь мою подь дудочку!..

Услыхалъ это господинъ Витте и разсвирѣлѣлъ:

— Кто это,—кричить,—смѣетъ со мной конкурировать?.. Въ нагайки его, негодая!..

Больно вздули дурака, живого мѣста на тѣлѣ не оставили.

Опять пришелъ онъ къ матери и разсказалъ про свое горе.

— Эхъ!.. Горемычный ты мой!.. Ну что-бы тебѣ подойти къ нимъ, поклониться на всѣ четыре стороны и рѣчь сказать?!.. Они-бы тебя наградили!..

Случилось дураку на другой день опять быть на улицѣ... Видитъ онъ—на углу народъ; поклонился на четыре стороны, влѣзъ на фонарь и ну говорить рѣчь.

А мимо конные жандармы проѣзжали... Увидали они это, спѣшили и схватили оратора...

Посадили дурака въ тюрьму, и никуда онъ съ тѣхъ поръ кромѣ тюремнаго двора ужъ не выходитъ.

Боби.

Среди печати.

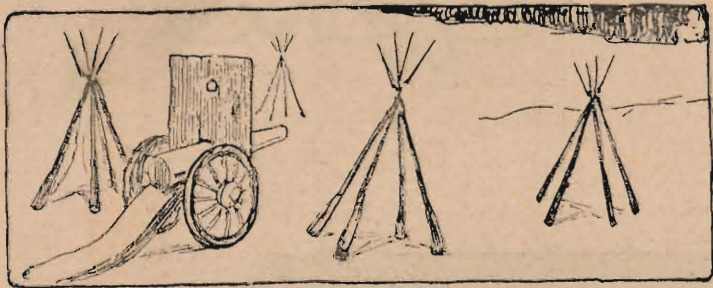
Газета „Русь“ въ № 54 сообщаетъ: „Съ уходомъ гр. С. Ю. Витте, какъ говорятъ, не останется и министръ внутреннихъ дѣлъ. Послѣдній въ разговорѣ съ однимъ частнымъ человѣкомъ замѣтилъ, что онъ свое дѣло сдѣлалъ.—„Я взялъ управленіе въ свои руки—сказалъ онъ—въ дни самой ужасной вакханаліи печати, общества и революціонеровъ“.

Теперь Россія значительно успокоилась:

Министерство по прежнему продолжаетъ стремиться къ повсемѣстному успокоенію

объ аграрныхъ безпорядкахъ не слышно, возстаній нѣтъ;

и съ этой цѣлью слѣдить за всѣми безпокойными элементами

внутренняя торговая жизнь понемногу входитъ въ колею;

обороты улучшились.

Мое дѣло сдѣлано... Я могу уйти со спокойной совѣстью“.

Закатъ.

„Изберите меня!“

Честолюбие князя Александра Алексеевича Соболинского натолкнуло его на вопрос: как проникнуть в Государственную Думу? Приятно „влиять на судьбы“ России, выступить в роли „представителя народа“. Надо, значит, опубликовать во всеобщее сведение, какой-токой его сиятельство прекрасный человек.

Состряпана афиша, разослана избирателям. Написал в ней князь, что ни одна то партия его, бедного, не наметила в выборщики! Положим, это — не так: комитет „безпартийных“ (?) наметил его своим выборщиком — да что за беда? Так-то оно жалостливее выходит.

— Подайте бедному сиротинушкѣ!

Объявив себя дальше способным проводить в жизнь взгляды избирателей и пустив экивок в сторону партий, имѣющих-де очень растяжимую программу, князь расписал все свои „убѣждения“ по пунктам, придав им, в противѣсъ партиям, пахучий букет „опредѣленности“.

Указал, конечно, на необходимость отстоять „цѣлость и недѣлимость“ России, которую, — грезится князю, — кто-то берется рушить. В переводѣ на обывенный языкъ, это значитъ:

— Ты не „истинно русский“? Бей, коли, души!

Назвавъ, далѣ, „очевидно важными“ вопросы рабочій и крестьянскій, князь сообщает, что эти вопросы можно рѣшить безъ крестьянъ и рабочихъ, ибо всеобщая подача голосовъ допустима лишь в теоріи, а на практикѣ непримѣнима. Вольготнѣ! Кто ихъ знаетъ, что они тамъ рѣшаютъ? Махнутъ экспроприацию! Лучше „мы“ рѣшимъ.

Далѣ пошла „полная вѣротерпимость“ съ сохраненіемъ преимуществъ за православной вѣрой и исключительныхъ законовъ для евреевъ.

Не забыта также необходимость такого устройства, чтобы крестьянинъ „свободно“ продавалъ за гроши кулаку свой кусокъ земли, необходимость осадного и военного положенія, необходимость реорганизаціи полиціи „въ губерніяхъ“ *). Сообщивъ въ заключеніе, что у него имѣется заводъ, его сиятельство заканчиваетъ:

— Пусть наша Дума будетъ Думой дѣла, а не разговоровъ.

Наивные люди, читая афишу, удивляются:

*) Про столичную полицію, въ предѣлахъ досягаемости коей проживаетъ князь, писать было неудобно.

— Зачѣмъ собирать Думу? Такія дѣла, что рекомендуетъ князь, у насъ и такъ во всю жарятся. Россію „сплачиваютъ“ у Балтійскаго, у Чернаго морей, у Тихаго океана, „очевидно важные“ государственные вопросы рѣшаются чиновными и титулованными особами, православіе „преимуществуетъ“, евреевъ ограничиваютъ и даже, по зову Ярмонкина, бьютъ; почти вся Россія на военномъ положеніи, полиція реорганизуется и еще недавно тамбовскій приставъ Ждановъ получилъ повышеніе за усердіе. Это ужъ не разговоры, а дѣла.

Я не принадлежу къ такимъ наивнымъ людямъ и думаю, что Дума будетъ, но будетъ-ли засѣдать въ ней князь Соболинскій, не смотря на слезное посланіе свое „къ избирателямъ“?

Л. Тяльниковъ.

Нежного чепухи

Пѣтъ задумавъ чепуху
На пустой желудокъ,
Разстрѣлялъ комаръ блоху
У собачьихъ будокъ.

* * *

Насѣкомымъ эшафотъ
Воздвигать излишне;
Выросъ фиговый компотъ
На апрѣльской вишнѣ.

* * *

Обрусѣвши къ октябрю,
Запорожскій турокъ
О преступную ноздрю
Погасилъ окурокъ.

* * *

На бензинѣ жаря гиль,
Грезя о наградѣ,
Сталъ палить автомобиль
Спереди и сзади.

Биржѣ сумрачной очки
Втерли бюрократы;
Смуту вѣшаютъ крючки,
Точно автоматы.

* * *

Попъ-разстрига черезъ годъ
Превратился въ жабу;
Выдалъ сыщикамъ заводъ
Снѣговую бабу.

* * *

Баба, слушая пальбу,
Куритъ папироску;
Парни выбрали трубу
И собаку Розку.

* * *

Это все случилось въ день
Сходки подъ черешней,
На паркетѣ деревень
Стороны нездѣшней.

К. Льдовъ.

Замѣченные опечатки въ сборникѣ русскихъ пословицъ и поговорокъ.

НАПЕЧАТАНО:

„Каковъ ханъ, такова и орда“.
„Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“.
„Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой“.
„Лихо жить въ нуждѣ, а въ горѣ и того хуже“.
„Не все таской, ино и лаской“.
„Не спрашивай у кошки лепешки“.
„Считай всякъ пастырь свое стадо“.
„Добрая жена, да жирныя щи—другого добра не ищи“.
„Богъ далъ животъ, дастъ и здоровье“.
„Челномъ моря не переѣхать“.
„Мошна пуста, да душа чиста“.
„Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ“.

* * *

— Скажи, папа, правда-ли, что наше отечество на зарѣ
новой жизни?
— Правда, сынокъ, а многіе уже и перешли въ эту
новую жизнь.

Орликъ.

ДОЛЖНО БЫТЬ:

„Каковъ премьеръ, таковъ и кабинетъ“.
„Вотъ тебѣ, братецъ, и 9 января“.
„Пропалъ, какъ Того подъ Цусимой“.
„Плохо, коли къ черту въ когти попадешь, а подъ
нагайку и того хуже“.
„Не все пулеметами, ино и плетью“.
„Не проси у палача милости“.
„Считай всякъ министръ свои патроны“.
„Ручной пулеметъ, да свѣжій апельсинчикъ—чего
лучше“.
„Богъ далъ животъ, Дурново—пулеметъ“.
„Плевкомъ“ да „трепкомъ“ Россіи не разодрать“.
„Душа грязна, да мошна полна“.
Опечатокъ нѣтъ.

Богухъ.

„Онъ“.

— Ой!.. Укололся!..

Ежъ.

— А ты не хватай!

Женя К.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ редакціи.

Литературный и художественный матеріалъ просятъ адресовать на имя редактора: С.-Петербургъ, Пушкинская, 10, кв. 19. Рукописи должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса; матеріалъ, присылаемый безъ указанія гонорара, оплачивается по усмотрѣнію редакціи; возвратъ непринятыхъ къ напечатанію рукописей необязателенъ.

Личныя объясненія съ редакторомъ: въ будни отъ 7 до 8 час. веч. и по Воскресеньямъ отъ 1 до 3 час. дня.

Отъ конторы.

Съ заказами обращаться къ издателямъ: К. К. Арсеньеву—Песочная ул., д. № 29, кв. 16 или Г. Я. Кайзерману—Пушкинская 10, кв. 19. Подписная цѣна съ перес. и дост. 3 р. въ годъ.

Оптовая и розничная продажа №№ журнала производится:

въ магазинъ „СЕГАЛЬ“, Невскій пр. (уг. Владимірскаго), д. № 49, тел. № 1677.

КОМУ НУЖНЫ

штемпеля, печати, надписи, вывѣски и мелкая типографская работа пусть обращается въ магазинъ „СЕГАЛЬ“ бывш. Александръ Кундеръ.

Невскій пр. № 49, телефонъ № 1677

ЖОСЯ

Ежедѣльно.

Въ Свѣтлый Праздникъ.

Сегодня въ первый разъ, дитя, со дня рожденья
Съ глубокой вѣрою въ таинственность чудесъ,
Съ серьезнымъ личикомъ, полна благоговѣнья,
Ты робко молвила сама: „Христосъ Воскресъ!“

И съ гордой радостью уста твои цѣлуя, —
Невинныя уста, привыкшія не лгать,
„Воистину!“ тебѣ отвѣтила, ликуя,
Твоя счастливая, безхитростная мать!..

О, милое дитя!.. Ты поняла-ль значенье,
Великій тайный смыслъ простыхъ, несложныхъ
словъ?

Ты знаешь-ли, что въ нихъ — любовь и всепро-
щенье,
Основы вѣчныя всѣхъ жизненныхъ основъ?

Миръ долго ждалъ Его съ надеждой, съ упо-
ваньемъ,
Чтобъ Онъ сыновъ земли заблудшихъ просвѣ-
тилъ...

И Онъ пришелъ сюда... Онъ кровью и стра-
даньемъ,
Онъ смертию на крестѣ грѣхи ихъ искупилъ...

Но Онъ не умеръ, нѣтъ... Въ своемъ вѣницѣ тер-
новомъ
Онъ вновь воскресъ для тѣхъ, кто чтитъ Его
завѣтъ,
Въ комъ жизнью праведной, любвеобильнымъ сло-
вомъ
Нетлѣнной Истины зажегъ Онъ дивный свѣтъ!..

Воскресъ... и живъ во всѣхъ, кто добръ и чистъ
душою,
Кто руку ближнему въ нуждѣ подать готовъ,
Кто не прельщается житейской суетою
И милосердіемъ даритъ своихъ враговъ...

Онъ живъ въ тебѣ, пока ни лжи, ни зла не зная,
Питаешь въ сердцѣ ты лишь Правду и Любовь...
Храни-же ихъ всю жизнь, малютка дорогая,
Чтобъ никогда въ тебѣ Христосъ не умеръ
вновь!...

Г. К.

Хромой бѣсъ и Реакція.

(Сцена въ подожженныхъ царскихъ).

Хромой бѣсъ.

Давно замислили мы дѣло;
Теперь лихитъ оно у насъ:
Земля къ свободѣ охладѣла,
Привыкла къ звуку громкихъ фразъ.
Сѣянье вольности и славы
Невыносимо для совы;
Ея сужденія столь здравы,
Что просверлили, какъ буравы,
Мозги бѣсовской головы.
Рукою смѣлой и лукавой
Брамы роть зажигать иора, —
Передъ репрессіей кровавой
Замолкнуть смуты мастера!
Готово все: въ переговорахъ

Я сыплю златомъ, серебромъ;
И скоро въ расприхъ и раздорахъ
Устрою иростный погромъ.
Рабовъ надежныхъ я имѣю:
Дружина черная, и съ нею
Несокрушимый Крушеванъ
Къ концу мой замыселъ приводятъ.
Иодъ ихъ охраной колобродятъ
Повсюду воръ и хулиганъ.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна-ль ты? Твои желанья
Исполнены-ль?

Реакція.

О милый мой,
Верни насъ къ поркѣ крѣпостной!
Пускай реформа въ бездну канетъ,
Какъ камень въ воду.

Хромой бѣсъ.

Планъ пустой!
Погромъ рѣшительный подтянетъ
Получше розги изъ ремня.

Реакція.

Я близъ тебя не знаю страха...
Ты такъ хитеръ! Но для меня
Нужна лишь лодка.

Хромой бѣсъ.

Матъ-же — плаха.

Реакція.

Тащи на плаху, если такъ.
Купи себѣ нагрудный знакъ.

Хромой бѣсъ.

Ты мнѣ помочишь?

Реакція.

Вѣсь, ты хромъ, —
Не ставь вопроса мнѣ ребромъ!
Онъ примотой меня тревожитъ!
Издвеле почему я люблю,
Какъ ренту падающую мяю, —

Но и погромъ мнѣ милъ... Быть
можетъ,

Свершится дивная мечта, —
И водворится темнота
Въ странѣ...

Хромой бѣсъ.

Итакъ, погромъ дороже
Тебѣ, чѣмъ горка?

Реакція.

Ну такъ что-же?

Хромой бѣсъ.

Отвѣть скорѣй!

Реакція.

Рѣши ты самъ.

Хромой бѣсъ.

Заплачешь-ли по волосамъ,
Коль отрубить врагамъ придется
Сто тысячъ дерзостныхъ головъ?
Или, рубя безъ лишнихъ словъ,
Моя подруга улыбнется?

Реакція.

Ахъ, полно! Сердца не смущай!
Ты — искуситель.

Хромой бѣсъ.

Отвѣтай!

Реакція.

Ты черенъ; рѣчь твоя сурова...
О, не терзай меня! Готовъ
Я помогать тебѣ, повѣрь,
И не нужна мнѣ подготовка
Къ погрому...

Хромой бѣсъ.

Помни-же, чертовка,
Что ты сказала мнѣ теперь!

К. Льдовъ.

На сельскомъ сходѣ.

(Разсказъ крестьянина).

„..... Толковалъ намъ урядникъ на сходѣ:
— „Никуда, дескать, вы не годны!
Нынче слухи пускаютъ въ народѣ,
Что, молъ, всѣ предъ закономъ равны...
Чудаки! Вы подумайте только:
Это въ шутку вамъ кто-то сказалъ,
Нѣтъ тутъ правды вотъ даже на столько!“
(Поль-мизинца старшой показалъ).
— „Развѣ можно, чтобъ знатные баре
Васъ пускали въ свои терема,—
Нѣту зернышка въ вашемъ амбарѣ,
А у нихъ такъ трещать закрома!
Здѣсь и курицѣ, видишь-ли, тѣсно,
Нищета довела до петли,
А у нихъ, вамъ должно быть извѣстно,
Сколько хочешь найдется земли!
Господа все помадой французской
Уснащаютъ свои волоса,
А отъ вашихъ сапогъ пахнетъ русской,
Нашей мазью родной, съ колеса!
Или—взять хоть у насъ въ околдѣ:

Лишь сивуху и тянетъ мужикъ,
А они не приучены къ водкѣ:
Баринъ, вишь ты, къ шампанскимъ привыкъ.
Такъ ужель, по примѣру Европы,
Съ господами за столъ васъ сажать??
Эхъ, зазнались, простые холопы!“
И пошелъ нашъ урядникъ кричать.
— „Не дождетесь,—кричите—ни помады,
Ни шампанскаго также вина!“
Мы въ отвѣтъ: „Намъ того и не надо,
Намъ земля одна и нужна!“
Похрабрился онъ малость надъ нами,
И велѣлъ, чтобъ прогнали народъ.
(Только вслѣдъ погрозилъ кулаками,
Чтобы знали его напередъ).
Не могли мы рѣшенья примѣрить:
Напугалъ больно лютой-то звѣрь;
Слухамъ, вишь, не приказано вѣрить,
А поди-тко теперь, не повѣрь!“
И вопросомъ, съ тревогою тайной,
Мужичекъ свой окончилъ разсказъ:
— „Можетъ, слышали баринъ, случайно,
Не надѣзять землицей-ли насъ?“

М. Ольшанскій.

Исторія одного графа.

1. Рожденіе.

2. Дѣтство.

„И дымъ отечества
намъ сладокъ и пріятенъ“.

Грибоѣдовъ.

У поэта стихъ такой
Нынче непонятенъ...
Врядъ-ли дымъ страны родной
Сладокъ и пріятенъ!

Обывателямъ Твери,
Томска, Минска, Шуши, —
Я готовъ держать пари, —
Стихъ тотъ вялить уши.

Да и сотни городовъ, —
Будь любой опрошенъ, —
Знаютъ русскій дымъ каковъ:
И смердячъ, и тошень!

И селеня, хутора
Знаютъ эту „сладость“,
Гдѣ „репрессія“ прошла
Воронамъ на радость!...

А въ Москвѣ былъ дымъ такой,
Что Дубасовъ даже
Съ угорѣлой головой
Кашлялъ въ экипажѣ.

Смрадъ отъ жареныхъ людей
Разносился съ Прѣсни,
Стиснувъ ѣдкостью своей
Въ честь победы прѣсни.

Нѣтъ, поэтъ нашъ дорогой,
Дымъ родной не сладокъ,
А до боли головной
Чадень, тошень, гадокъ!

Бомба

3. Студенчество.

4. До составленія тарифа.

ТАРИФЪ

5. После составленія тарифа.

Удивительно.

— Удивительное дѣло! Вчера въ ресторанѣ „на пушку“
пьянымъ напился; вышелъ на улицу — городского по скулѣ
смазалъ; попалъ въ участокъ — околдочному погоны оборвалъ;
кричалъ: „долой полицію!“ и... только трехъ реберъ ли-
шился. Удивительно! Не правда-ли, читатель?!

Ф. Барковъ.

Черная карета
Мчится въ тѣмѣ ночной...
Увезли «кадета» —
Ахъ! — въ каретѣ той.
Не долга дорога
Въ мрачные «кресты»...
Подожди немного —
Посидишь и ты!

Г. Казарминъ.

7. Утѣшеніе.

6. Маленькая неприятность.

На улицѣ.

Поверсанъ мастовой свалился пьяный мастеровой. Къ
нему подходитъ дворникъ.
— Вставай, товарищъ, пойдемъ въ трактиръ чай пить!
Мастеровой, не двигается.
— Ну, вставай-же... Извозчикъ задавить!
Молчаніе...
— Городовой идеть! Въ участокъ угодилъ!.. не
отстаётъ дворникъ.
Молчаніе...
— Казакъ ѣдетъ!
Мастеровой моментально вскакиваетъ и, при смѣхѣ
толпы, исчезаетъ въ первыхъ воротахъ.
— Подѣлствовалъ — смѣется дворникъ.

Ф. Барковъ.

Пословицы и поговорки.

Съ провокаторами жить — на свободу лѣзть.
На всякаго Ганона 80000 не нападется.
Гдѣ драка — тамъ и Русское Собраніе.
Гдѣ свобода — тамъ и тюрьма.

На сѣверѣ дикомъ въ тюрьмѣ одиночной
Опальный редакторъ лежитъ.
И, тяжело вздыхая въ тини позночной,
На время забывшись, онъ спитъ.
И снится бѣдникъ на жесткой кровати:
Прекрасна, какъ лучъ золотой,
Подобно Венерѣ, Свобода печати
Выходитъ изъ пѣны морской...

Азра.

Прежде возбуждали любопытство произведенія печати
запрещенныя: въ наше-же время достойны удивленія — по
запрещенныя!

— Чѣмъ-то кровью пахнетъ...
— Это потому, что вѣтеръ съ юга, а вѣдь тамъ сей-
часъ военное положеніе!

— Что намъ «важнѣе» насъ, украшенная спитъ
позночной?

— Россію, насѣченную ея патріотическими паразитами.
Свой братъ.

8. Победа.

Бюрократъ и Миносъ.

(Басня).

Свершивъ съ успѣхомъ путь земной,
Какой-то бюрократъ (не все-ль равно, какой?)
Для надлежащаго вопроса
Приведенъ былъ къ суду суроваго Миноса.
— „Ну, говори, чѣмъ былъ, что дѣлалъ ты?“
Сказалъ ему Миносъ: „И въ чемъ твои заслуги?
Какія на землѣ ты выполнилъ труды?
Какъ проводилъ свои досуги?
Одно лишь помни: адъ великъ,
И въ немъ особое отведено мѣстечко
Для тѣхъ, чей на судѣ языкъ
Сболтнетъ хотя-бъ одно обманное словечко!
Смотри-жъ, не лги... Соврешь—не будешь радъ!“
— „О, мудрый царь!“ отвѣтилъ бюрократъ.
„Мнѣ лгать нѣтъ нужды предъ тобою...
„Готовъ побиться объ закладъ,
„Что ты во всемъ доволенъ будешь мною!
„Отвѣтъ мой—въ двухъ словахъ простыхъ:
„Не зная отдыха, спины не разгибая,
„Какъ вѣрный сынъ родного края,
„Я братьевъ опекалъ своихъ!..
„Я наблюдалъ за каждымъ ихъ движеніемъ,

„Слѣдилъ за каждымъ увлеченіемъ
„И отъ рискованныхъ шаговъ
„Я оградить ихъ былъ въ любой моментъ готовъ!..
„Всю силу духа напрягая,
„Я въ мысли ихъ старался проникать,
„Чтобъ ихъ на путь законный направлять,
„Отъ пагубныхъ вліяній охраняя.
„И, зная по себѣ, какъ много скверныхъ словъ
„Иной въ собраньи иль въ печати
„Способенъ выпалить не кстати,
„Я охранялъ и болтуновъ,
„Грѣшившихъ вольно и невольно!..
„Ну, словомъ я...“

— „Постой!.. Довольно!..

Прервалъ оратора Миносъ.

„Отвѣтъ еще лишь на одинъ вопросъ:

„Когда и кто изъ тѣхъ, о комъ ты такъ старался,

„Просилъ тебя о томъ,

„Чтобъ ты опекуномъ

„Надъ ихъ душой, умомъ и совѣстью являлся?“

— „Просить никто не догадался!..“

— „Такъ, значить, это былъ твой собственный починъ?“

— „Конечно мой... Къ тому-жъ весь трудъ я несъ
однѣ...“

— „Одинъ?.. Такъ вотъ, ступай на Прокрустово ложе!..

„Уже давно тебя разбойникъ этотъ ждетъ!

„Васъ будетъ двое... Отъ него-же

„Ты по дѣламъ своимъ получишь и расчетъ!..“

Аэра.

Въ фотографіи.

Фотографъ. — Прошу васъ сѣсть.

Редакторъ. — Пожалуйста, безъ наме-
ковъ,

9. Конституція.

10. Передъ созывомъ Государственной Думы.

Невъроятное.

Гдѣ-то, кто-то мелеть зря:
Витте сталъ эсъ-эромъ,
Хрусталева-жъ Носаря
Сдѣлали премьеромъ.

* * *

Судьи стали проливать
Слезы умиленья
И рѣшили оправдать
Всѣхъ безъ исключенья.

* * *

Гурьевъ былъ изобличенъ
Во враньѣ нахальномъ
И немедленно казненъ
Приставомъ квартальнымъ.

* * *

Порѣшили тюрьмы снять,
Перестроивъ въ бани,
Стали лѣвымъ помогать
Курскіе дворяне.

* * *

Денегъ есть большой запасъ,—
(Кто ихъ сосчитаетъ!),—
Даже съ голоду у насъ
Мало умираетъ.

* * *

Сановитѣйшую знать
(Но не всю понятно)
Разрѣшили обличать
Устно и печатно.

* * *

Шиповъ гдѣ-то отыскалъ
Кучу денегъ мѣдныхъ,
Дурново устроилъ балъ
Съ выручкой на бѣдныхъ.

* * *

Къ смутнымъ вѣяньямъ глуха
Партія въ манежѣ...
Можетъ это — чепуха,
Ну, а правда гдѣ-же?

Красная свитка.

Газетныя впечатлѣнія.

Отъ края до края родной стороны
Лишь вопли, проклятья да стоны слышны...
Отъ слезъ неутѣшныхъ на землю палъ иней...
Дымъ смрадный несется надъ снѣжной пустыней.

* * *

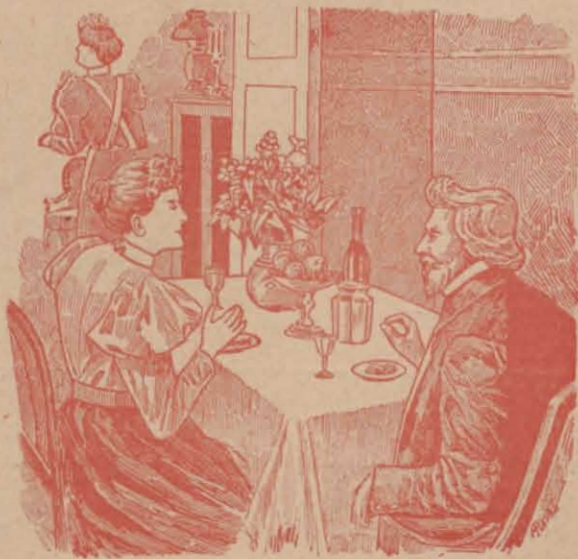
Взамѣнъ избъ сожженныхъ могилъ-то, могилъ
По всей Руси скорбной народъ понарылъ!...
Ну, что-жъ,—удобренье для бѣднаго края:
Быть можетъ, дождемся съ весной урожая...

Бомба.

Черезъ улицу переходитъ какой-то „чинъ“.
— Эй, берегись! кричитъ ему проѣзжающій извозчикъ.
— Что это — предостереженіе?—грозно спрашиваетъ
„чинъ“, но спохватившись, краснѣетъ и продолжаетъ свой
путь.

ф. Барковъ.

— Что это вы, Семенъ Гавриловичъ, ярый противникъ
революціи, а дѣлаете мнѣ такой революціонный подарокъ.

— Чѣмъ-же-съ?

— А красное яичко дарите.

— За то въ немъ статуэтка патріотическая положена:
казакъ съ палкой на лошади. Я отъ своихъ правилъ
никогда не отступаю, Анна Васильевна.

Въ Свѣтлый Праздникъ.

Отъ редакціи.

Литературный и художественный матеріалъ просятъ адресовать на имя редактора: С.-Петербургъ, Пушкинская, 10, кв. 19. Рукописи должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса; матеріалъ, присылаемый безъ указанія гонорара, оплачивается по усмотрѣнію редакціи; возвратъ непринятыхъ къ напечатанію рукописей необязателенъ. Личныя объясненія съ редакторомъ: въ будни отъ 7 до 8 час. веч. и по Воскресеньямъ отъ 1 до 3 час. дня.

Отъ конторы.

Съ заказами обращаться къ издателямъ: К. К. Арсеньеву—Песочная ул., д. № 29, кв. 16 или Г. Я. Кайзерману—Пушкинская 10, кв. 19. Подписная цѣна съ перес. и дост. 3 р. въ годъ.

Оптовая и розничная продажа №№ журнала производится:

въ магазинѣ „СЕГАЛЬ“, Невскій пр. (уг. Владимірскаго), д. № 49, тел. № 1677.

ЖОБА

Ежемесячно.

ВЪ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛѢ.

(Изъ записокъ учителя).

Во мнѣ давно таилось желанье
Служить другимъ. Я выполнилъ мечту
И сталъ учитель. Въ дѣтское сознанье
Вносилъ я мысль, какъ свѣточъ въ темноту.
Я говорилъ имъ, что для цѣлей жизни
Ничто—чины, богатство, серебро,
Что для того, чтобъ послужить отчизнѣ,
Нужна лишь правда, вѣра и добро.
Что нѣту счастья выше и свѣтлѣе,
Какъ другомъ быть обиженныхъ людей,
Творить добро, быть преданнымъ идеѣ,
Всѣмъ помысломъ своимъ отдавшись ей.
Все шло отлично. Вдругъ—намъ извѣщенье:
Инспекторъ ѣдетъ—смотри произвестн,
Разслѣдовать, какъ шло у насъ ученье,
И обо всемъ начальству донести.

* * *

Сегодня былъ инспекторъ на урокѣ.
Я, какъ всегда, пространно говорилъ
О равенствѣ, о правдѣ, о порекѣ...
Инспекторъ слушалъ, слушалъ... и вскопчалъ.
«О, Боже мой, вы что наговорили
Невиннымъ дѣтямъ? Что за кутерьму?
Вѣдь прежде васъ за это бы казнили,
Въ Сибирь сослали, спрятали-бъ въ тюрьму!
Теперь, конечно, вѣняны пины!
Я самъ готовъ за правду ихъ принять...
Но развѣ можно ужасы такіе
Крестьянскимъ дѣтямъ въ школѣ прививать?»
Я робко молвилъ:—«Посудите сами:
Вѣдь я готовлю граждана изъ дѣтей!»
Но тутъ инспекторъ замахаъ руками:
«Вѣдь граждане—синовимъ бунтарей!
Что будетъ послѣ? Гдѣ-же уваженіе
Къ чинамъ и власти? Къ званію дворянъ?
Подумайте,—что будетъ за мужество
Сдержанъ потомъ мятежный океанъ!
Вы думали-ль о томъ! О, какъ вы близоруки!
Я же могу кресту доощрять...

Эй, староста! Связать потуже руки,
И въ станъ его съ конвоемъ отослать!»
Сказалъ и вышелъ. Шепотъ и смущенье...
Потомъ скрутили руки мнѣ назадъ,
И тѣмъ—увя!—закончилось ученье
Наукъ жизни маленькихъ ребятъ!..

М. Ольшанскій.

Впередѣ.

Я и незнакома женщина, мы шли вмѣстѣ, держась за
руки, и вокругъ насъ были все такіе же, какъ и мы, —
окровавленные, измученные, съ обезумѣвшими лицами...

Кровь лилась изъ нашихъ ранъ на холодную землю
и, испаряясь, неслась къ верху, къ облакамъ... и столько
собралось тамъ, наверху, этой крови, что краснымъ стало
далекое небо...

Выбиваясь изъ силъ, истекая кровью и давя другъ
друга, падали передъ нами люди...

Они мѣшались намъ идти, они цѣплялись за насъ и трип-
лыми, умирающими телами чего-то вносили, требовали,
грозили...

Колочіе кусты выросли на нашемъ пути, шумѣлъ
свинцовый дождь, тыла сотнями глазъ глядѣла вокругъ,
грозы доходила намъ до колѣвъ, но мы шли...

Тамъ впередѣ, прорѣзая тьму, свѣтлый и радостный
свѣтилъ нашъ фонарь... Онъ властно звалъ къ себѣ, онъ
объясалъ, онъ указалъ, онъ ободрилъ насъ... Онъ былъ
близокъ уже, свѣтлый и радостный, и мы шли впередъ,
все впередъ!..

Тамъ счастье и радость, тамъ свѣтъ и спасенье, тамъ
жизнь, свобода и отдыхъ... Тамъ жизнь!.. Тамъ
жизнь!..

Пусть впереди насъ тьма, и ужасъ, и смерть, и про-
клятыя, и стены... Пусть!.. Тамъ впередѣ!.. тамъ жизнь и
счастье...

Впередъ-же!.. Впередъ!..

Стрый.

Изъ записной книжки шпиона.

Она валялась у воротъ дома, гдѣ я живу. Маленькая, засаленная, съ загнутыми углами,—обыкновенная записная книжка. Я поднялъ ее, дома просмотрѣлъ.

На первой страницѣ ровнымъ писарскимъ почеркомъ было написано: «Иванъ Парменовъ. № 304». И больше ничего. Со второго листка начинались замѣтки, помѣченные числами.

7 января. Назначили на 5 линію. Въ домѣ много живутъ студентокъ и курсистокъ. Все ходятъ, что-то носятъ. Книжки, бумаги и какіе-то странные предметы. Опасаясь, не взрывчатые-ли то снаряды, я перешелъ на другую сторону и остановился, но былъ изобличенъ какимъ-то штатскимъ, который плюнулъ мнѣ въ физиономію и злостно заявилъ: «шпионъ»! Хорошо еще, что только плюнулъ. На Забалканскомъ, говорятъ, вчера одному бока намали. Было много народа и задержать его не удалось. Убѣжалъ. Пришты: среднего роста, глаза сѣрые, волосы русые, лицо чистое *). Вечеромъ подаль рапортъ о происшествіи.

*) Всѣмъ обывателямъ съ такими примѣтами я совѣтовалъ бы на время уѣхать изъ столицы. Спокойнѣ! А. Т.

25 февраля. Сегодня на Невскомъ подошелъ къ газетчику, продававшему книги (№ 64). Онъ громко и безобразно кричалъ:

— Разные романы, повѣсти и рассказы! Выѣсто рубли за 10 копѣекъ!

Подошелъ, осмотрѣлъ. Какіе-то «Вопросы Жизни». Перелистовавъ, нашелъ фамиліи Вяч. Иванова, Дм. Мережковского, Фед. Сологуба. Недавно я присутствовалъ при обыскѣ на собраніи у этихъ лицъ. Зря обыска не назначать. Ясно, что вредные люди. Еще удивительно, что у г. Мережковского оказалась хорошая шанка: со времени этого обыска я хожу бариномъ. Тепло въ ней.

Хотѣлъ конфисковать книги, да газетчикъ упрямилъ и далъ мнѣ «Цыгана Ишку». Хорошій романъ! Да и стоитъ-же 20 к., а «Вопросы Жизни» по гривеннику.

31 марта. Подслушалъ разговоръ подозрительныхъ лицъ въ пивной на Литейномъ. Называли себя кадетами, позоря званіе молодыхъ господъ, проходящихъ офицерскую науку. Радовались, что ихъ партія побѣдила на выборахъ въ Государственную Думу.

Какъ преходящая радость человѣческая! Видно, эти люди съ дуны свалились и, кромѣ того, не читали «Положенія».

Списалъ

А. Тяльниковъ.

Удалая тройка.

Замѣченныя опечатки въ сборникъ русскихъ пословицъ и поговорокъ.

НАПЕЧАТАНО:

„Дѣло безъ конца, что конь безъ хвоста“.
„Истина хороша, да и правда не худа“.
„Лиса и во снѣ куръ считаетъ“.
„Назвался груздемъ—пользай въ кузовъ“.
„Не бойся смерти, бойся грѣховъ“.
„Добро помнится долго, а лихо вдвое“.
„Безъ соли, безъ хлѣба—худая бѣда“.

ДОЛЖНО БЫТЬ:

„Министръ безъ нагайки, что собака безъ зубовъ“.
„Истина плоха, да и правда не лучше“.
„Губернатору и во снѣ анархистъ трезлѣе“.
„Назвался редакторомъ—маршъ въ „кресла““.
„Не бойся нагайки, бойся казака“.
„Дмитрій Федоровичъ на долго запомнится, а Петра Николаевича и забыть не забыть“.
„Безъ вистлиды и пулемета—плохая свобода“.

Бомунъ.

Крылатое слово.

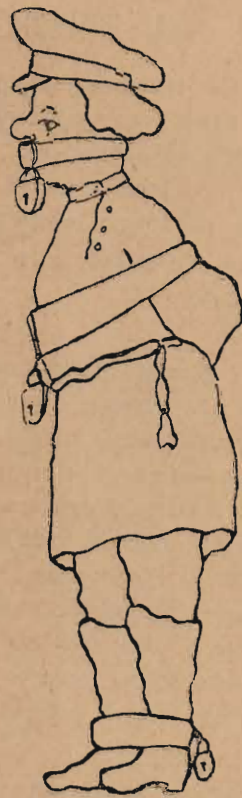
(Откровение дурного).

Вражеской надеждѣ
Сбыться не дадимъ;
Будемъ жить, какъ прежде,
Да не посраимъ
Старины завѣтовъ!
Будемъ безъ заботы:
Ручи у кадетовъ
Съ нами пулеметы.

А. С.

Это—Азія,

а это, съ позволенія сказать,—
„Евросія“.

Эпитафія.

Ты честь и совѣсть позабылъ...
Ты осквернилъ души святыню,
И, обративъ ее въ пустыню,
Съ людьми ты звѣремъ дикимъ былъ.

*
*
*

Законъ лѣнивый почивалъ,
И медлилъ жрець Оемиды косный...
Но пробилъ часъ—и хищникъ злостный
Нежданно жертвой мщенья палъ.

А. С.

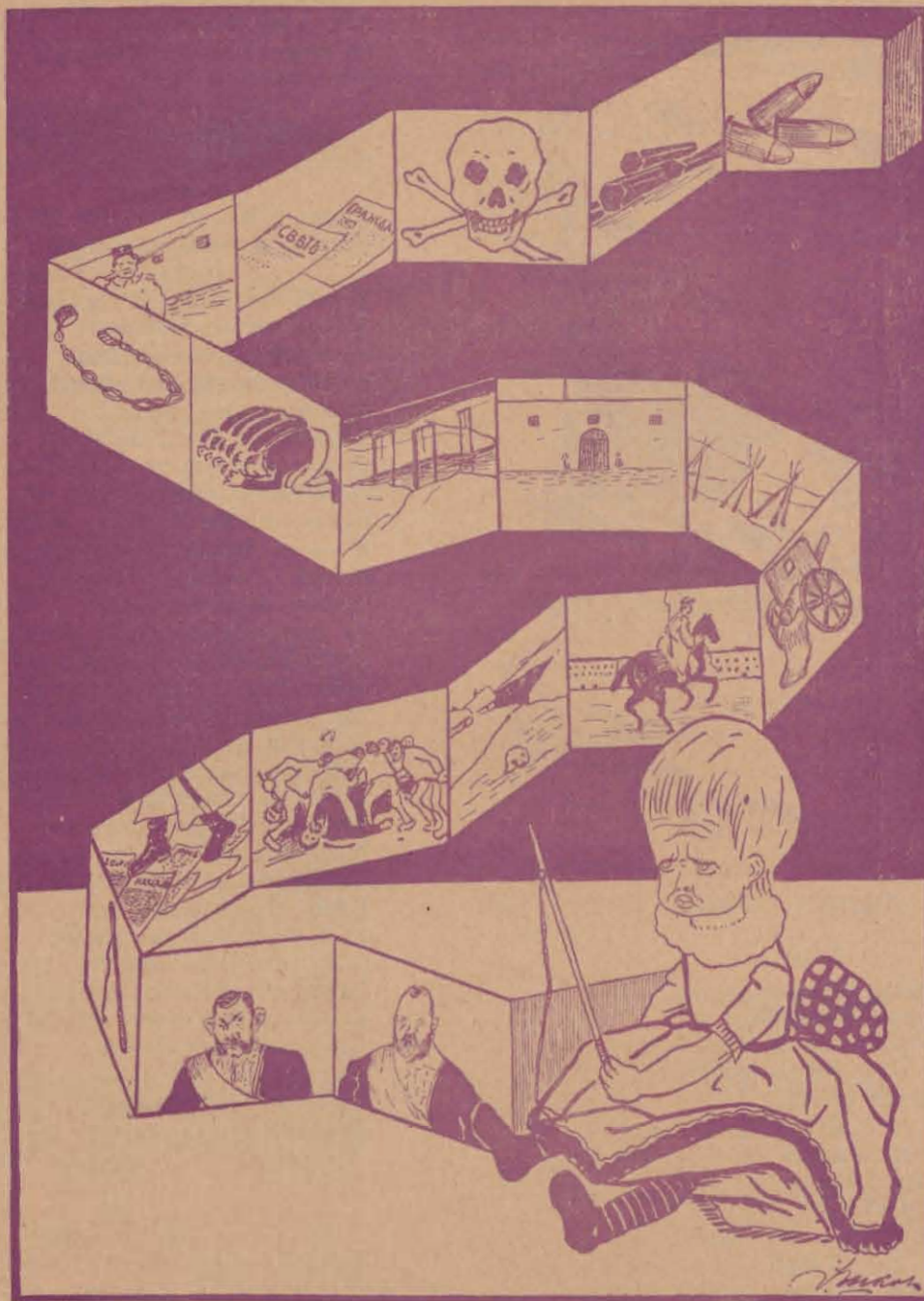
Чиновникъ и Банкиръ.

(Басня).

Появился горькій міръ
Юдоли и печали,
Вдвоёмъ Чиновникъ и Банкиръ
Въ страну покойниковъ попали
И, предъ судищемъ представъ,
Съ тревогой ждать его рѣшенья стали.
Судъ въ непредсказуемый мигъ и превъ,
А потому безъ всякихъ проводовъ,
Допросомъ, претей и очеркомъ
Этѣ дѣла мигомъ разрѣшилъ
И ихъ скорѣе присудилъ.
Сидѣть въ котлѣ съ индюкою смолоу.
Чиновникъ тотчасъ-же, не зря лишникъ словъ,
Въ котелъ утѣлся въ словоблудъ,
Банкиръ же сталъ вопить, что приговоръ суровъ,
Что онъ несправедливъ и глупъ,
Завѣдомо во всемъ нарушающимъ законъ,
Оъ Чиновникѣмъ несправедливо сравненъ.
— „Ужель—кричить—мы съ нимъ равно грѣшили?
„И равной казни заслужили?
„Я грѣшенъ развѣ только въ томъ,
„Что шепчу гнуль предъ золотымъ тельцомъ
„И бралъ въ удобные моменты

„Немного болѣе выскочитъ предѣлы...
„Иго-жъ грѣховъ не перечесть!
„Охъ, забывши дѣла и честь,
„Душишь въ золотѣ въ народѣ,
„Онъ былъ всю жизнь вѣломъ свободѣ,
„Онъ выдумалъ и шутку, и пулеметъ,
„Онъ создавалъ различныя тѣшенія,
„Пилотомъ и гонимъ,
„И славилъ выше вѣхъ заботъ
„Лишь о своей любви помыслы!..
„Такъ—какъ-же такъ!..
— „Молчи!“ прервалъ его Банкъ,
Весь ослѣпъ инѣна и презрѣнья.
„Знай мѣру и терпи, дитя хвалить силъ!
„За то, что я тебя съ Чиновникомъ сравнилъ
„И ты гекло бросилъ те рѣшѣль,
„Ли должакъ быть, мнѣ вѣчно благодаренъ:
„Тамъ, ни бѣда твоихъ собрать, ковчегъ,
„Чѣмъ много онъ при жизни ни вредилъ,
„Твой грѣхъ подлѣе ужъ тѣмъ, что облизывая доходомъ,
„Ты въ роковой борьбѣ съ чужеземцемъ народомъ
„Емъ-жъ свежъ казноугодливо служилъ!“

Кословъ.

Альбомъ для политическаго воспитанія молодыхъ гражданъ.

Не изъ Гейне.

...Одинъ англичанинъ просилъ продать ему избирательную урну въ память первыхъ русскихъ выборовъ за какую угодно сумму. (Изъ газетъ).

Сынъ наивный Альбіона
Избирательную урну
Приобрѣсть желаетъ, даже
Не справляясь съ цѣною.
Другъ! въ странѣ сатрапій грозныхъ,
Не въ почетѣ „урна права“,
Но за то въ большомъ почетѣ
Штыкъ... нагайка... пулеметы...

Еслибъ изъ ты взялъ по штукѣ,
Исторически-нетлѣнныхъ,
Было-бъ стильно и красиво
Да и намъ осталось меньше.

Veta.

Защитнику Нейдгардта,
Борису Никольскому.

Хоть упала наша рента
И заемъ нашъ... не того,
Но за славный трудъ доцента
Вамъ заплатитъ Дурново.

A. C.

Въ гостяхъ у графа.

Судья.

Закона слѣдуй вѣднью,
Согласно вашему прошенью,
Явился, грѣшь, мы въ вашъ чертогъ.

Графъ (радушно).

Суду отвелъ я уголокъ...

Судья.

Итакъ, судъ долженъ васъ просить
Свою бесѣду изложить
Съ слугами вѣрными печати.
Нельзя-ли только... безъ изытій?

Графъ.

„Дѣла давно минувшихъ дней,
И предавъ старины глубокой“...

Судья.

Поройтесь въ памяти своей
Обширной, свѣтлой и глубокой.

Графъ (хмурясь).

Не помню... Слишкомъ много словъ
Я расточалъ—и все напрасно!
Нѣ себѣ я знать бытъ всѣхъ готовъ...
И вспоминать о томъ ужасно!

Судья.

Но вашей совѣсти терзанье
Не облегчить-ли покаенье?
— Въ судъ поступило заявленье,
Что есть за вами, графъ, грѣшокъ:
Печать ввели вы въ искушение,
А соблазненныхъ — въ разоренье,
Въ изгнанье даже и въ острогъ...

Графъ (не краснѣя).

Знакома мнѣ рать гал...
Все суцїй вздоръ и клевета!

Судья.

Тогда приступимъ къ дѣлу снова.
Защитникъ! Вамъ дается слово!

Защитникъ редакторовъ.

Не говорили-ль вы: цензура
Хотя и не упразднена
Но прежней власти помпидура
Безповоротно лишена?...

Графъ (отважно).

Недѣлю говорить — о, вѣтъ!
Все это—клевета клеветъ...

Защитникъ.

Зачѣмъ печать къ себѣ вы звали
И такъ, и этакъ соблазнили?

Графъ (съ чувствомъ).

Хотѣлъ отъ злѣйшихъ цензоровъ
Я оградить редакторовъ.
Я убѣждалъ. Они скрывали
И цензоровъ тѣхъ не называли.
Не понялъ этого никто!...
Меня-жъ обидѣли... За что?...
Я имъ не мстилъ за оскорбленье...
Тогда они на преступленье
Пошли, отвергнувъ долгъ, законъ...
Я — къ Дурново. Не медлилъ онъ:
И вѣтъ... порядокъ водворенъ...
Настала исторїямъ конецъ.
Къ печати былъ я, какъ отецъ...
Но лжива, зла и нескромна,
Всегда была ко мнѣ она:
То сплетней грязной очернить,
То мнѣ акаюсть сочинить...

(Пофружается въ задумчивость).

— Теперь неизбѣжный законъ
Межъ нами бездною лежитъ...
Шагъ роковой удержитъ онъ:
Власти законъ всѣмъ надлежитъ,
Всѣмъ твердую чтить надо власть,
А не будить слѣпую страсть.
— Да если бы,—храни насъ Боже!—
Власть къ крайнимъ дѣламъ перешла,
Она-бъ во мнѣ самомъ нашла
Саугу покорнаго ей тоже...
Но отношеніе силъ обратно.
Отсюда слѣдствие понятно,
Что побѣжденная печать
Должна молчать, молчать, молчать!

— Вотъ все, что я могу сказать.
Теперь-же, на пути къ обѣду,
Открою частную бесѣду...

(Обязательно возвращается къ „га-
зетнымъ сплетнямъ“ и горько жалуется
на поведеніе печати вообще, а сатири-
ческихъ журналовъ въ особенности).

М. Скорбикъ.

Въ Одессѣ.

Депутация отъ союза—извините за выраженіе—„русскихъ“ людей поднесла генералу Карангозову икону и въ трогательной рѣчи обратила вниманіе его превосходительства на «революціонное» поведеніе городской управы.

Грозный генералъ, врагъ сатирическихъ журналовъ, умилился.

— Я употреблю всѣ усилія, чтобы побѣдить крамолу; сказалъ онъ.

Одесситы! Берегите своихъ дѣтишекъ!!!

Въ Таганрогѣ.

«Лѣстница вздоховъ». У подножья плещется море, отражая загадочный свѣтъ луны. Здѣсь и тамъ, стараясь держаться въ тѣни, о чемъ-то шепчутся люди. Ихъ 12 паръ. Въ сторонѣ, затаявъ дыханье, притаилось нѣсколько вооруженныхъ субъектовъ.

— О, коварная луна! Здѣсь все видно!

— Осторожнѣй! Ради Бога, осторожнѣй!

— Не шутите съ огнемъ!..

(«Ага!» шевелится одинъ изъ вооруженныхъ).

— Я убью его!

(«Ага!...»)

— Милый...

— Любишь? Очень?

— Аничка, у тебя не озябли ножки?

(«Это что-то не то... Ножки?... милый?... люблю?...»)

— О, какое счастье быть съ тобой!...

(«Ваше благородіе! Сказываютъ: какое счастье быть съ тобой?...»)

— «Молчи, дуракъ! Мы, кажется, не туда попали»...

— «Никакъ нѣтъ! Такъ что вѣрно на «Лѣстницѣ вздоховъ» всѣхъ до одинаго»...

— „Везъ тебя знаю. Гм!... Ничего не подѣлаешь... Воля начальства... Пора!“)

Вооруженные субъекты выходятъ изъ своей засады и точно изъ-подъ земли вырастаютъ передъ глазами двѣнадцать паръ влюбленныхъ.

— «Ни съ мѣста, или я прикажу стрѣлять! Господа, вы арестованы! Демьяновъ! Крути руки къ лопаткамъ!»

Мгновенье—и всѣ 12 дамъ падаютъ въ обморокъ... 12 кавалеровъ принимаютъ оборонительное положеніе. Еще мгновенье—и 12 паръ недавнихъ счастливицевъ въ участкѣ.

Обыскъ.

— Оставьте! Что вы дѣлаете!

— Ай!

— Милостивый государь, вы оскорбляете мою невѣсту!

— Ай!

— Милостивый государь!

Спустя полчаса.

— Господа!.. Вы свободны... Къ сожалѣнію, произошло маленькое недоразумѣніе...

Подаютъ 12 извозчиковъ и 24 разбитыхъ сердца разѣзжаются.

— Извозчикъ, пошелъ скорѣй!

— Ахъ, если бы вы знали, что онъ себя позволилъ!..

— Это еще что! Вотъ въ Тамбовѣ меня...

— Негодай!

— Извозчикъ, скорѣй!

У «Лѣстницы вздоховъ» плещется море и луна глядитъ сверху растерянно и какъ-бы виновато.

Фактъ...

Сѣрый.

„Инвалиды“.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ напечатанъ слѣдующій отчетъ:

Отъ Александровскаго комитета о раненныхъ.

Приставъ 2-го участка Спасской части, при отношеніи отъ 28-го марта сего года за № 4790, представилъ отчетъ дирекціи Итальянской оперы о спектаклѣ въ Маломъ театрѣ 17-го марта въ пользу инвалидовъ.

Сборъ 2,752 руб. 40 коп.

Расходъ: г. Батистини . . . 1200 руб.

г-жѣ Баронать . . . 600 „

г. Наварини . . . 200 „

г. Фигнеру . . . 700 „

Итого . . . 2700 руб.

чистый остатокъ 52 руб. 40 коп.

Александровскій комитетъ о раненныхъ приноситъ искреннюю признательность *хористамъ и другимъ артистамъ, безвозмездно потрудившимся на пользу инвалидовъ.*

А мы и не знали, что г-жа Баронать и гг. Батистини, Наварини и Фигнеръ—инвалиды!!!

Отвѣты редакціи.

Ростовъ Н.Д. П. Н. П—ко. Присланное не подошло. Попробуйте еще.

Вильно. Р. В.—Сколько вамъ лѣтъ? Если больше 15-ти, то бросьте писать „стихи“.

Каменецъ-Под. А. Бон—ву. Къ сожалѣнію, присланнаго напечатать не пришлось.

Одесса. А. И. М—чу. Ваше „открытое письмо“ къ г-жѣ Шебуевой напечатано не будетъ.

На огне реакции.

*on the fire of the reaction***Отъ редакціи.**

Литературный и художественный матеріалъ просить адресовать на имя редактора: С.-Петербургъ, Пушкинская, 10, кв. 19.
 Рукописи должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса; матеріалъ, присылаемый безъ указанія
 товарища, оплачивается по усмотрѣнію редакціи; возвратъ неприятныхъ къ намъ матеріаловъ рукописей необыкновененъ.
 Личныя объясненія съ редакторомъ: въ будни отъ 7 до 8 час. веч. и по праздникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Отъ конторы.

Съ заказами обращаться къ издателямъ: К. К. Арсеньеву — Песочная ул., д. № 29, кв. 16 или
 Г. Я. Кайзерману — Пушкинская 10, кв. 19. Подписная цѣна съ перес. и дост. 3 р. въ годъ.

Оптовая и розничная продажа №№ журнала производится:

въ магазинѣ „СЕГАЛЬ“, Невскій пр. (уг. Владимірскаго), д. № 49, тел. № 1677.